

ВАСИЛИЙ КЛЕНИН

СОБИРАТЕЛЬ

— СУХОРУКОВ —

12+

Василий Кленин
Собиратель Сухоруков

«Автор»

2022

Кленин В. Н.

Собиратель Сухоруков / В. Н. Кленин — «Автор», 2022

Этот роман - прямое продолжение книги "Император Сухоруков". Наш современник сыграл в игру, поставив на кон жизнь. Его жестоко обжулили: парень попал в прошлое, в тело калеки, без малейшего понимания о том, где он и когда. На удивление, обыватель освоился. Выжил. Выжил? - с удивлением посмотрел на него окружающий мир. И решил это исправить. Вашему вниманию предлагается новый виток мытарств "императора" Сухая Рука в суровом мире, в безжалостном времени.

© Кленин В. Н., 2022

© Автор, 2022

Содержание

Часть I. Перепонки утки	5
Глава 1. Отец учения	5
Глава 2. А теперь лубяная	11
Глава 3. Здесь граду быть	16
Глава 4. Лучший дар богу	21
Глава 5. Дом, милый дом	26
Глава 6. Возьми Сына Обезьяны	31
Разговоры в тени – 1	35
Глава 7. Господин Советник	37
Глава 8. Пыль в глаза	41
Глава 9. Ничего личного – просто бизнес	46
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Василий Кленин

Собиратель Сухоруков

Часть I. Перепонки утки

Глава 1. Отец учения

Бесконечно длинная цепочка могучих воинов шла по узкой тропе. Шли быстро и слаженно, след в след. Никто не отставал, никто не сбивался, не наступал на товарища, идущего впереди. Дорога была опасной: слева – пропасть, справа – чаща, на дороге – огромные валуны. Но воины ловко обходили все препятствия! Если же дорога оказывалась полностью заваленной, то они умело взбирались на завалы, даже не замедлив скорости.

Грозные! Полные сил! Солнце сверкало на их твердых латах, парное оружие пугало своей остротой. Воины крались бесшумно, враг (сколь близок он ни был!) даже не подозревал о том, что сама смерть неумолимо приближается к нему! Воины шли ходко, но при этом тщательно оглядывали окружающий их мир: нет ли где опасности. Усики их грозно топорщились...

– Аскуатла!.. – раздалось тихое шипение в стороне. – Слепыш, да раздери тебя! Ты совсем заснул что ли?!

Воин, почти совсем еще мальчишка, наконец, оторвался от любования колонной муравьев, что шли узенькой тропкой по своим неведомым хищным делам. Слегка затуманенным взором он взглянул на своих товарищей. Те смотрели на него гневно, раздувая пыльные ноздри. Эх, схлопотать бы ему не одну затрещину, если бы их троица не сидела в засаде! И обязана была хранить полнейшую тишину. Сам Черный Хвост определил их сюда и велел сторожить перевал. Чтобы ни один горный не проскользнул незамеченным!

Старший дозорный – Лапа Ягуара – наконец, перестал гневаться. Приложил палец к губам, а потом направил его вниз. Аскуатла-Муравей проследил за ним и бесшумно охнул.

По низинке через перевал крался горный.

Чужой воин двигался неспешно и настороже, но особо не скрывался. Он внимательно оглядывал заросшие лесом склоны, но засаду не видел. В левой руке его был легкий щит (явно ярко расписанный, только вот сейчас раскраску замотали серой тряпкой), а в правой – дубинка.

– Совсем не умеет прятаться, – презрительно прошептал Лапа.

Враг был невелик. Конечно, повыше Слепыша, но раза в полтора мельче, чем глава их дозора. Зато поджарый, жилистый. Он ловко перебирался с валуна на корягу, словно те муравьи, шедшие в набег.

– Будем брать его, – скомандовал Лапа Ягуара. – Как только поравняется с нами, по моему сигналу нападаем! Ты, Черепаха, беги влево, ему взад, Слепыш – вправо, перекроешь ему путь. А я прямо на него кинусь!

– Но предводитель велел...

– Чо, приссал, Муравьишка? Да не трусись, я тебя на самое неопасное место посылаю. Вряд ли горный вперед кинется. Скорее, уж Черепахе придется его ловить.

Аскуатла вспыхнул.

– Я не боюсь! – злобно зашипел он. – Просто Черный Хвост велел предупредить. Это главное.

Он на самом деле не боялся. Да и чего бояться втроем одного! Даже если этот горный – лютый в боях воин. Но Муравей четко помнил приказание главы черных: надо предупредить. Задача всех дозоров – предупредить о том, по какой тропе пойдут горные.

– Дурак, – прошипел Лапа. – Главное – слава воинская. Возьмем пленника – это уважение в обоих воинствах... да чего с тобой говорить!

Черепаша хмыкнул, поддерживая старшего товарища. Глаза его горели в предвкушении схватки. Воины должны быть героями!

– Вперед! – резко крикнул старший дозора, и вся троица рванула из кустов вниз, к тропе. Аскуатла не замедлил – приказ есть приказ. Но душа его изнывала от того, что он чувствовал: происходит что-то неправильное. Тем не менее, парнишка со всех ног бежал к тропе, чтобы перекрыть ее.

Горный резко присел, заметив врагов. Глаза его по-бабьи округлились от ужаса. Однако, троица стремительно приближалась – и враг со всех ног дал стрекача! Бежал он хорошо: как Летняя Черепаша не спешил, но лазутчик проскользнул перед самым его носом. Лапа звонко заулюлюкал, размахивая дубьем над головой и рванул вниз, на дальнюю сторону перевала.

Юный Муравей оказался позади своих товарищей. На миг возникла мысль: все равно ведь не догонит... может, пойти к своим и предупредить о враге? Но представил, как вечером Лапа будет у костра рассказывать, как ловко они поймали горного, да как трусливо Аскуатла сбежал, хотя их было трое на одного... Ноздри паренька раздулись, он закричал что-то гневно, затряс копьём и кинулся за своими.

Какое-то время широкая спина старшего в дозоре еще служила ему надежным ориентиром. Но еле приметная тропа петляла меж дубов и валунов, так что вскоре его товарищи полностью скрылись из виду. Муравей бежал по следам, которые лежали, как на ладони... Наверное, поэтому он слишком поздно заметил, что всё изменилось. Что преследователи уже стали добычей. Ушлый лазутчик заманил дозорных в свою засаду. Его подельники сидели в кустах и спокойно ждали, когда им приведут добычу. Аскуатла поднял глаза и увидел, что Лапа с Черепашой сидят на четвереньках, а на них целены дубинки и заряженные дротиками атлатли!

Обманули! Провели, как детей! А всё Лапа Ягуара! И ведь Муравей знал! Он чувствовал, что надо не нападать, а выполнить приказ! Теперь что? Теперь и они унижены пленом, и черное воинство не предупреждено! Целых два вдоха парнишка испепелял взглядом... нет, не горных, а своего незадачливого командира. Однако, увидев, что враги повернулись к нему, резко развернулся и бросился назад.

«Я еще успею предупредить! – промелькнуло в его голове. – Я легкий, я быстрый, они не догонят! Великий Змей, их же тут двадцатки и двадцатки!».

Перевал был совсем близко. Дым запалить он точно не успеет, но на той стороне можно начать кричать – вдруг, кто из своих услышит.

Перевал был совсем близко...

– Долгий сигнал! – отдал я приказ мелкому сигнальщику. – Дуй, пока силы есть! Всё: закончены учения, если кто в горах еще остался – пусть возвращаются.

Раковина утробно загудела, а я повернулся к своим отцам-командирам. Генерал Глыба сиял, как начищенный медный самовар, даже оттенок кожи у него был подходящим.

– Владыка! Хуакумтла! – рокотал он, топорща итак огромную грудь. – Мои воины обошли заслоны черных! Заняли лагерь и продержались в нем до тех пор, как солнце не коснулось гор.

– Я вижу, Прекрасная Слеза! – улыбнулся я. – Отлично вижу. Вы хорошо справились, и победа, безусловно, за вами.

Два моих воинства – Золотое и Черное – очень сильно ревновали друг к другу. Отношения были предельно конкурентными, так что уязвить соперника – для любой из сторон было кайфом высшей пробы. От того Глыба и сиял. А вот Черный Хвост – он стоял тут же, рядышком – выглядел чернее тучи...

Так, пора завязывать с цветовыми метафорами!

– Всё! Учения закончены. Мир! Мы больше не враги!

Генерал чуть склонил голову (насколько позволяла его каменная шея), как бы соглашаясь.

– Ну, раз учения закончены, то я с радостью верну Черному Хвосту пленных, которых мои люди взяли.

На безбородом лице Хвоста заиграли желваки. Прекрасная Слеза же, наслаждаясь моментом, махнул рукой, и его стражи привели троих.

– Это дозорные Черного воинства, – охотно пояснил Глыба. – Именно через их перевал золотые прошли и оказались за спиной у уважаемого Хвоста.

Дозорные выглядели изрядно помятыми. Я подошел к самому здоровому из них.

– Я помню тебя, Лапа Ягуара. В Крыле, пред алтарем Великого Змея ты первым поклялся мне в верности.

Бугай послушно кивнул, не поднимая глаз.

– Что же вы так?

– Перехитрили нас золотые.., – выдохнул он, не оправдываясь.

– А вон тот мелкий вообще струхнул и в кусты сбечь пытался! – злорадно гоготнул один из стражей, но подавился взглядом Глыбы и утух.

Я повернулся к трусу. Совсем молоденький! Надо выяснить, почему таких молодых в воинство набирают.

– Что ж, ты, парень? – укоризненно спросил я. – Это ведь были свои. Четлане. А что ты сделаешь перед настоящими врагами?

В этом мире я уже твердо усвоил: жалость – неуместное чувство. А уж за слабость жалеть, вообще последнее дело. Здесь слабого бьют. И я буду, только мой удар должен не добить, а помочь стать сильнее.

Удар, кстати, прошел: паренек вскинулся и вцепился в меня своими черными глазенками. Лицо его пылало красной краской похлеще Глыбы-самовара. Только вот в глазах я стыда не заметил. Как, впрочем, и гнева. Он обиделся?

– Идите уже, – сухо бросил Черный Хвост своим. – Доложитесь двадцатнику.

Мне стало жалко Хвоста. Он так старался. За короткий срок он почти сделал то, что Глыба делал много лет. Но «почти» не считается. Терпи, дружище! После сегодняшнего дня ты тоже должен стать сильнее. Как и все твои люди.

– Отойдем в сторонку, присядем? – предложил я своим полководцам, ибо раковина надсадно гудела у самого уха и лишала воли к жизни. – Надо обсудить итоги учений.

Учения! Говорю вслух и сам себе не верю. Всего четыре месяца назад судьба закинула меня в эти дикие края. Похоже, что в Америку, в которой не было ни рок-н-ролла, ни автоматов Гатлинга, ни даже рабыни Изауры. То есть, по меньшей мере, на пять веков назад, а, может быть, гораздо – гораздо! – дальше! Выбора мне особо не давали: либо помирай от цирроза, либо шуруй неизвестно куда, неизвестно когда. Это был ад. Дикая природа, темнота, духота, грязь, кровь. Я – в теле однорукого дебиловатого парня. И никаких явок и паролей! Ни языка, ни обычаев, ни законов – ничего не знаю. Однорукий глухонемой дебил в плену слабого опухшего тела.

Научился понимать, научился говорить – и только хуже стало. Выяснилось, что хоть я и четланский правитель, но власти у меня никакой нет. А кругом враги: улыбающиеся в лицо и держащие за спиной острые обсидиановые ножи. Три месяца у меня ушло на то, чтобы укрепить власть, выявить врагов, покарать самых наглых из них. Три месяца, пока, наконец, я набрался сил для того, чтобы выбраться из горной долины Серой Воды на Великую реку. Выбрался – и оказался среди нового круга врагов. Непокорные четлане во главе с злобным Ицкагани; зловещие пурепеча, покорившие десятки малых племен. Помню, пришло мне в голову сравнение с пескарником, что стал самым крутым в большой луже, перебрался в пруд – а тут здоровые караси да щуки! Очень точное сравнение. Особенно, в том смысле, что пескарнику

назад в лужу тоже пути нет. Всё! Обозначился! Теперь либо на обед, либо шустрить да массу набирать. Чтобы у любой шуки пасть порвалась.

Вот она – моя масса. Воинства – Золотое да Черное. Первое – бывшие дворцовые стражи; вторые – бывшие рабы. И тех и других я решил довести до сотни, благо, захват Излучного и «запасы» местного вождя увеличило мою казну вдвое. Как говорится, пока бабки есть. Я велел Глыбе и Хвосту разбить своих людей на пять неполных двадцаток, чтобы «младший офицерский состав» привыкал командовать, и постепенно наполнять их завербованными воинами. Вербовка шла неспешно: не так уж много было желающих, да и не все подходили. Уже месяц прошел, а «золотые» двадцатки были заполнены процентов на 70, «черные» – на 80. В общем, это и к лучшему. Новички не составляли большинство, а значит, не навязывали свои представления о службе. Тянули ляжку, как все.

И вот, месяц спустя, задумал я учения. С одной стороны, посмотреть на силы свои. Но кроме честолюбивого желания, нужно было убедиться, насколько умело и грамотно управляются мои «бессчетные орды», как умеют мыслить отцы-командиры, как исполняют приказы воины. Помню свой первый поход на горцев-оцколи – там ничего этого и близко не было. Захватом Излучного я уже пытался руководить, да вот войско, состоящее на три четверти из рабов и крестьян-ополченцев, было мало на что пригодно. Хорошо, настоящих боев в том селении не было – удалось мне заблаговременно его обезглавить.

А что будет сейчас? Все-таки воины обучаются, на их вооружение казна не скупится. Надо проверить, правильно ли мы всё делаем? Конечно, никаких настоящих боев и драк я допускать не собирался: золотые с черными и так «дружили» почти как кошки с собаками. Втроем мы придумали правила учений, согласно которым победа присуждалась без драки. Например, если заметно более крупный отряд окружал более мелкий, последний признавался побежденным. Ну, в крайнем случае, можно попытаться бежать. При равных столкновениях допускались толкания щитами, руками и ногами. Во избежание, у всех воинов отобрали реальное оружие и снабдили палками: длинными, короткими, тонкими и толстыми.

Золотых я обозвал горными, черных – низинными. Вторым велел идти по берегу Серой Воды и, как свечереет – обустроить лагерь. С естественными укреплениями, стражей. А первые должны были уйти в горы – также на день пути. Задача у подопечных Глыбы была – найти и захватить лагерь низинных. Соответственно, люди Хвоста старались этого не допустить.

– Черный Хвост, говори, – обратился я к другу, когда мы, наконец, уселись в стороне от бесячей раковины.

– Да что уж тут говорить... – вздохнул лидер проигравшей стороны.

– А вот всё подробно и говори! – нахмурился я. – Ты командир или кто?

Хвост кивнул. Непонятно, правда, с чем он согласился.

– Переход прошли хорошо: никто не отстал, всё время впереди дозоры ходили. Лагерь надежный у нас был – ты сам видел, владыка!

Я кивнул. Низинные нашли очень удобную для обороны площадку, за остаток вечера, как могли, укрепили ее завалами из камней.

– Потом я разослал к горам людей, за ночь они нашли три удобных перевала, по которым зол... горные могли подойти к лагерю. Значит, либо оттуда придут, либо вдоль берега. Я на каждый перевал отправил дозор – чтобы предупредили о враге. Собрали сигнальные костры и держались наготове. В лагере оставил пятерку воинов, а с остальными прошел к востоку.

– Зачем?

– Там место удобное: высотка и видно далеко на все стороны. Там можно и за рекой, и за горами следить.

– А почему решил в лагере не обороняться?

Хвост молчал. Конечно, у него был ответ. Но он прекрасно помнил, чему я его учил и понимал, что это неправильный ответ. Черные не хотели выглядеть трусами и отсиживаться

в лагере. Моя стража презирала их, упорно не желала считать настоящими воинами, поэтому бойцы Хвоста из кожи вон лезли, чтобы доказать обратное. Но, исходя из того, чему я его учил, это было проявлением слабости. И мой младший «генерал» это знал. Знал! Но ничего не мог поделать с собой. Да и с подчиненными.

– Ладно, – поберёг я остатки самолюбия проигравшего. – Что было потом?

– Потом появился сигнал. Сразу с двух перевалов. Я пошел к ним поближе, но горные оказались уже в лагере. Я надеялся, что оставленная там пятерка продержится до нашего подхода... Однако, не вышло.

– Ясно... Слово горным.

Глыба уже поуспокоился и обрел прежнюю невозмутимость.

– Шли в горы. С реки я атаковать не собирался. Все-таки и крюк большой, да и очевидно это. Думал, что там-то нас и встретят. Лучше со стороны гор, вдруг низинные их оборонять не станут! Нам повезло: встретили охотника из ближней деревни, он нам все дорожки и указал. Я разделил всех своих на три группы, чтобы проверить, охраняются ли перевалы. Один воин открыто идет, а остальные сзади по кустам ползли. В двух случаях, нас раскрыли, а вот на дальнем перевале мы весь дозор в плен взяли. Я стянул туда все силы и повел вниз. Разведчики вовремя приметили основные силы низинных, дали сигнал, мы обошли воинов Хвоста и слету ворвались в лагерь. Ну, а дальше просто удерживали его!

Глаза Глыбы снова разгорелись. Мысли буквально читались: эх, если б нам можно было по-настоящему драться – уж мы бы им навалили!

– Черный Хвост, в чем видишь причину неудачи? Что сделал не так?

По виду моего товарища тоже явно читалось: всё я так сделал! Но все-таки неуверенно буркнул:

– Что, надо было из лагеря не вылезать?

– Тут я как раз не уверен... Обычно, победа не приходит к тем, кто ждет ее, сидя на заднице. Так что правильно сделали, что боя искали. Но...

Но низинные допустили банальную ошибку выжившего. Я это понимал, только вот не знал, как ее объяснить. Не рассказывать же про подбитые самолеты!

– Смотри: у тебя было три дозора на трех тропах. От двух из них пошел сигнал тревоги. И ты сделал неправильный вывод.

– Как это?

– А вот так! Если бы дым был один, значит, враг пошел по этой тропе. Разумно? Разумно! Но сигнал был с двух троп. Что это значит? Что враг атакует по двум тропам, а по третьей – нет? Разумно?

– Не очень, – подумав, нахмурился Хвост.

– Конечно, не очень! Почему только с двух? Разумнее предположить, что Гл... Прекрасная Слеза решил проверить все тропы. На двух тропам его заметили – появился сигнал. А вот на третьем перевале тишина. Значит, что?

– Ну, теперь-то понятно что, – вздохнул предводитель Черного воинства. – Золотые прощупали все три тропы и пошли по той, где их не заметили.

– Разумно! Мог ты об этом догадаться? Мог! А значит, мог отступить к лагерю или даже попытаться поймать врага, пока тот шел и растянулся по дороге.

Я встал.

– В целом, я доволен обоими воинствами. Все действовали грамотно, с выдумкой. Но нам есть, чему еще учиться. Хвост, на досуге вызнай: почему третий дозор провалил задание. Ведь, они могли перевернуть исход учений в вашу пользу. Не накажи, а выясни! А потом разжуй им, где ребята были неправы!

И добавил:

– Собирайте скорее людей. Хочется уже сегодня выдвинуться в Излучное! Домой охота!

Да, именно так. Вот уже почти месяц прошел, как моим домом стало Излучное.

Глава 2. А теперь лубяная

Над Великой опускались густые горные сумерки, когда всё мое воинство добралось до Излучного. То самое селение Иттанауки-Носача, которого я убил, дом его разорил, семейство евовное пленил! А теперь еще и поселился здесь. Что твоя лиса: была у меня избушка ледяная, а будет теперь лубяная! А «зайца» даже не выгнал, а в землю закопал и надпись написал.

А вот нечего на «императоров» руку поднимать!

Конечно, это не было изначальным планом. Поначалу хотелось только подчинить мятежное селение, закрепить власть за правящим домом – и в Крыло! Где всё уже знакомое и привычное. Но реальность внесла свои коррективы. Я ведь раньше здесь не был, многого не понимал.

Само по себе Излучное не то, чтобы выглядело привлекательнее старой столицы. Во-первых, оно было меньше Крыла, здесь жили всего три рода. Род Клювастой Крысы (что бы это ни значило), род Колибри. И – самый большой – род Тури. Тури – это какое-то то ли выдуманное, то ли реальное животное, которое называют убийцей ягуаров. Все четлане уверенно описывали мне его, как некое кошачье на высоких лапах с огромными зубами. Только вот никто его самолично не видел. Так что: хочешь верь в него, хочешь не верь. Я про себя стал переводить «тури» просто – кот-убийца. Разумеется, этот самый большой род был правящим, уже два поколения имачат Излучного были отсюда. А потому Котам доставалось всё самое лучшее.

Да, всего три рода, но по населению селение не сильно уступало столице. Если в Крыле обитали около двух тысяч людей, то в этой «деревеньке» – до полутора тысяч. А всё потому, что в Излучном жило очень много безродов, не меньше трех-четырёх сотен. Говоря модно-академично: здесь очень высокий миграционный трафик. Люди приходили и с Серой Воды, и с верховьев Великой, и с низовий.

Правда, земли хорошей здесь было мало. Намного меньше, чем вокруг Крыла. Я только потом узнал, что это не страшно – урожайность в долине Великой заметно выше. А поначалу общий обзор полей и огородов меня огорчил. Но я уже тогда понимал, что богатство этого селения кроется не в кукурузе с помидорками.

Не буду врать: не в первый и не второй день понял. Тогда мы местных к покорности приводили, да барыши подсчитывали. Помню, как Ннака млел от радости. Ровно домовенок Кузя, обнимал мешок за мешком, да считал: один да один – два, три да один – четыре, четыре минус один – три. И ведь уже тогда пытался что-то минусовать (в свою пользу, разумеется!). Думал, что раз так всего много, грех чуточку не прикарманить! С владыки не убудет, владыка – щедрый. А владыка – очень даже мелочный и расчетливый! У владыки на эти мешки свои планы, между прочим!

В общем, два дня, пока воинство отдыхало и отъедалось на свежеубиенных утках Носача, я считал и пересчитывал привалившие богатства, постоянно «выворачивая карманы» моего ловкого горца-помощника. И только на третий день стал отмечать, что по Великой чересчур активное движение идет. Что я видел в Крыле? Торговцы могли заплыть раз в неделю, а могли – и раз в месяц. Четлане всего раз прошли мимо – это обнищавший род сбегал в низовья. А здесь – каждый день! Лодочка вверх, лодочка вниз, а то и три-четыре лодочки зараз проплывают. И явно не с пустыми руками.

Мысль о переезде вспыхнула внезапно и ярко. Такие озарения обычно вызывают слепой восторг, и я тоже испытал его. Вот это идея! Смелая, удачная! Но потом взял себя в руки. Надо очень хорошо взвесить все «за» и «против». И лучше сразу несколькими головами.

На совет позвал четверых: Мясо с Хвостом и Глыбу-Слезу с Тихим Ветром. Раздобыл баклагу какого-то забродившего сока (то ли агавы, то ли какого-то кактуса), почему-то мне

показалось, что столь концептуальные вопросы лучше обсуждать с чуток расширенным сознанием.

Вся четверка расширяла свои сознания с энтузиазмом. В баклаге уже плескалось на дне, когда я призвал всеобщее внимание и вывалил:

– Как вам такая идея: переселить весь владычный Дом сюда, в Излучное?

– Ого! – непроизвольно вырвалось у предводителя ополченцев.

Все даже кружки поставили.

– Владыка, ты это серьезно? – вздел бровь Глыба.

– Ну, вот пришла в голову мысль. Хочу ваше мнение узнать.

– Да как же это? Всегда владыки в Крыле жили, – растерялся Черный Хвост. – Там дворец, там храм Змея. Всегда было так.

– А до того, как четлане пришли на это место? – попытался я расшатать кристаллическую решетку стереотипов. – Когда-то ведь Крыла не было! Либо было мелкое сельцо, куда и пришел мой предок с верными людьми.

Мои советники пытались представить себе эту картину, но выходило с трудом.

– Интересно, тогда тоже помощники владыке говорили: такого никогда не было? А?

– Окрестности Крыла землями богаты, – неуверенно высказался Тихий Ветер. – Щедрое место. Может, поэтому туда переселились?

– То есть, кто-то решил, что новое место лучше старого? – подводил я своих помощников в нужное направление. – Так, может быть, и сейчас подумать надо?

– Ну, так-то... ежели подумать, – Ннака запустил пальцы в свисающий непокорный чуб. – Так-то это место отличновенное!

Он даже встал в волнении.

– Володыко! Это же здорово! Туточь Великая, туточь весь торг проходит! Любой товар, какой понадобится, всегда можно приобрести. Либо у торгашей заказать! Аще: Люди приходят-уходят постоянно. Можно умелых да разумных привечать. А вони ж везде ходят, всё видят, всё слышат – и мы туточь всё знать можем тож!

Его аж распирало от наплывающих выгод.

– Землицы мало в Излучном, – хмуро бросил Тихий Ветер.

– Верно, мало! – кивнул я. – Да только мне, владыке, на что земля? Мои закрома маисом со всех моих владений полнятся. И вы с них кормитесь. Какая разница, где хранилище обустраивать: тут или в Крыле?

– Вестимо, есть разница! – уже уверенно хлопнул рукой по колену Мясо. – Туточь! Всё торжище ведь здесь, можно менять ненужное на нужное.

– А черные? – тихо спросил Хвост.

– Что «черные»? – не понял я вопроса.

– Владыка, ты обещал, что всё Черное воинство получит свободу и землю. И говорил, что дашь им землю на горе возле Крыла, где мы агаву рубили. Там уже и рощисти кое-какие появились. А теперь как? Отправишь моих воинов в Крыло? Или без земли оставишь? А может, у местных ее заберешь?

Я задумался.

– Отнимать землю, конечно, не стоит, – покачал головой Глыба. – Народ местный и так боится владыку: пришел с войском, побил многих. А потом еще и землю отнимет. Так страху и ненависти добавится. Как жить тебе среди таких людей, владыка?

– Это не Крыло, – вздохнул Ветер.

– А то в Крыле володыку любили! – хмыкнул Ннака. – Вождь родного материна рода в заговоре участвовал! Да и прочие не сильно лучшее!

Остальные советники недобро поглядели на жаборотого. Но Мясу было плевать на соблюдение приличий: он был горцем, чужаком, его не волновало соблюдение лица. И он гово-

рил правду. В Крыле привыкли к владыке, но владычный Дом никто особо не любил. Власть владык была «всегда», она поддерживалась волей бога. Но не более того. Почти все вожди блюли свои интересы. Разве что Кочи «за державу обидно».

– Думаем дальше! – велел я своим помощникам, чиркая угольком на листочке.

– Ненадежное это место, – хмуро произнес Хвост. – Там, в Крыле в любую сторону были твои земли, владыка. На дни пути. А тут мы на самой окраине. Кругом – чужие. Пусть и четлане, но они тебе не служат. До Черного Урочища рукой подать, где Ицкагани сидит, на престол твой метит. Я не говорю о прочих народах. Если враг вздумает напасть – он может это сделать внезапно.

– Черный Хвост верно говорит, – с ленцой протянул генерал Глыба. – Это если думать о защите. Но, если о нападении? Владыка, ведь далеко не весь народ четлан вернулся под твою руку. А я вижу, что ты намерен это исправить. В таком случае, Излучное наоборот нам удобно. Всё близко, легко организовать набег и даже поход. Великая – это отличная дорога не только для торговли, но и для войны.

Глыба (как и все остальные) еще не знал о моем разговоре с торговцем Шоануапе. Не знал о том, что далекий царь-каконци неких могучих пурепеча уже успел запретить мне попытки объединить всех четлан. А потому мои отцы-командиры после недавней победы были преисполнены «имперскими амбициями». Даже соревновались, у кого их больше... Вот Хвост выказал разумное опасение, а Прекрасная Слеза тут же ему шпильку вставил: о нападении, мол, надо думать, а не о защите!

И всё равно резон в его словах имелся. Как ни крути, камень я с горы уже столкнул – обвал начнется, так или иначе. Такой уж это мир: сильный – живет, слабый – гибнет. Я очень хотел выжить, и мне пришлось проявить силу. Теперь ее увидели другие, так что цепочку уже не оборвать. Выход только один: становиться сильнее и бороться.

В этом смысле Излучное – гораздо более подходящее место. Опасное, но дающее перспективы. А Крыло? Да по сути, оно не особо лучше! Безопасно? Немного да. Но по Серой Воде враг сможет добраться до меня точно также, как и по Великой. Послушно? Опять же, немного да. Но, как показали недавние события, столичные вожди очень даже охочи до того, чтобы плести заговоры против владыки.

Я оглядывал своих помощников. Мой актив явно разделился поровну. Ннаку с Глыбой идея переезда увлекла, а вот Хвоста с Ветром – нет. И вдруг я понял причину: первые в Крыле были пришлыми, а вторые там родились! Вот и вся разница. Ветер и Хвост просто не хотят уезжать из родных мест. За всеми их аргументами кроется только это желание. Может быть, даже неосознанное. А вот генерал с ушлым горцем более объективны. Для них оба селения – чужие, поэтому мужики взвешивают за и против, ищут выгоды.

Равно, как и я.

Впрочем, я был согласен со всеми доводами своих товарищей, многие из которых пришли мне в голову до совещания. Но был еще один – важный только для меня.

Хотелось начать всё с чистого листа. Жизнь в этом мире будет меняться... По крайней мере, я приложу к этому все свои силы. А кое-какие силы уже есть, ресурсы тоже появились. Настало время делать нечто большее, чем фильтр для воды или компостная яма. И проще строить новый мир на новом месте. Крыло – это старая столица, где всё пронизано старыми родовыми связями. Где любой перемене костью в горле встанет традиция.

Почему-то нескромно вспомнился Петр I и его Санкт-Петербург. Зачем он поперся на эти невские болота, в глухомань без инфраструктуры, на краю царства, под боком у врагов? Выход к морю? Ну... такой себе там выход. Мало того, что место неудобное, так ведь ни дорог, ни торговых путей. Кто повезет свои товары в неизвестный порт, ради крайне сомнительных выгод? Нет, не для этого «царь Питер» основал Питер. Нужно было чистое место для того, чтобы строить новый мир. Не только в плане архитектуры, но и организации, и быта, и духа.

Боярская Москва засосала бы ростки, как тряси́на. Не дала им распуститься. Даже то, что уцелеет – не заметным станет на фоне огромной старой Москвы. Так что первый русский император выбрал трудный, неудобный, но очень правильный путь.

Вот и мне также надо – новое место для нового маленького мирка. Оставляю все склоки Крыла в Крыле. Внутренние дрязги Излучного меня мало волнуют – все-таки завоеванное селение. С собой возьму только тех, кто мне нужен, кто полезен. Всё лишнее оставлю в Крыле. Никакого балласта.

Хотя, конечно, еще многое стоит обдумать. Я смотрел на свой листок, рассеченный надвое вертикальной чертой. В левой колонке углем были записаны плюсы переезда. В левой – минусы. Их было всего три, но отмахиваться от них нельзя:

1 – Лояльность местных

2 – Безопасность

3 – Наделы для черных

Я вертел листок и так и этак, покусывая губу, но даже на обратной стороне не было ответов на эти вопросы. Идеи роились, но все они были какие-то аморфные, воздушные.

– Мне не хватает данных, – осознал я и решительно завалился спать.

Утро мудренее вечера не оказалось – бумажка назойливо лежала у походной постели, взыскаю. Я лениво поднялся, умылся, позавтракал и вспомнил про местного безрода, что открыл мне тайник Носача.

– Не видели этого... Ну, мужика того, что нас к пещере водил? – крикнул я в толпу, выглянув во двор.

Видели все. Потому что этот мужик ни свет, ни заря притащился к дому Носача и требовал пустить его внутрь, ибо он «служит помощником великого владыки». Самое интересное, что его пропустили. Безрод долгое время отирался перед входом, преисполненный желания служить мне. Никто еще не успел ответить на мой вопрос, а местный уже бросился к «императорским» ногам, ловко припадая на колени.

– Мацихатла, о великий! Ничтожного зовут Мацихатла! – радостно затараторил тот. – Готов случить светлейшему владыке...

– Пошли, – оборвал я песнопения, от которых неприятно царапало в груди.

– Куда?

– Служить! – не сдержавшись, прикрикнул я и для пущей убедительности похлопал ладонью здоровой руки по лбу: не тупи, мол.

Потом махнул головой – следуй за мной – и вернулся вглубь дома. У Носача своего тронного зала не было (и слава богу!), зато уютных комнатеек хватало. В одной из них я и обосновался. Пока там лежали толстая выглаженная ножом плаха и десяток пуфиков для того, чтоб сиделось помягче. Но я уже поклялся, что обзаведусь в своем дворце нормальными столом и стульями!

Пока же пуфики. Я привалился к стене, указал своему новому порученцу на место напротив и принялся выпытывать у него все про житье-бытье в здешнем селении. Мацихатла был словоохотлив без меры, язык его бежал вперед мысли – находка для... императора. Очень быстро мне стало ясно, что в Излучном всё вертелось вокруг рода имачаты. Семьям Котов-Убийц доставались лучшие поля и рыбные ловища на реках, их товары возили на большие торжища в низовьях, а уж судиться с кем-то из этого рода никто и не пытался: последнему дураку было ясно, в чью пользу вынесет решение имачата.

В общем, дело простое: чтобы заручиться поддержкой угнетаемых родов (да и безродов) надо отнять все привилегии у Котов-Убийц. Нда... И заполучить в качестве врагов самую могущественную и многочисленную группировку в селении.

– Скажи, а вот здесь, вокруг дома Носача, как раз Коты и живут?

– Конечно, – кивнул Мацихатла. – Род живет близ своего вождя. Думаю, ты, владыка, уже заметил, что почти все здесь стремятся поселиться поближе к ручью. На северном берегу живут Колибри. Там полоса между Великой и горами сужается, зато вся она издревле только им принадлежала. Поэтому у них раньше были самые большие маисовые поля. Правда, с недавних пор старый имачата часть земель отнял. То долги какие-то выдумывал, то просто велел делиться. Здесь, на возвышении живут Коты. Как видишь, живут широко, здесь же и сеются. А ближе к реке и дальше на юг стоят дома рода Клювастой Крысы. Некоторые хижины почти у самой воды, на сваях стоят. У них земли меньше всех, зато она самая лучшая.

– Это почему?

– Великая, – пожал плечами мой осведомитель.

Красавчик! Как будто что-то очевидное сказал.

– И? – грозно так спросил я.

– Река разливается, владыка. И на прибрежных землях оседает ил. Летом там сеяться опасно – река непредсказуема. Зато можно засадить поля даже зимой, в сухую пору. И урожай из-за ила там высокий. Крысы даже плавают на лодках в тихие заводи, черпают ил со дна и потом разливают его по более дальним полям. Вот от того их земля самая богатая.

Ничего себе! Оказывается, здесь, в Излучном, четлане научились удобрять землю! Видно, успели перенять у кого-то опыт.

– А в остальных родах ил не используют?

– Кто-то использует. Но у многих либо лодок нет, либо поле далеко... Либо земли много. Земля... Земля – это мой самый краеугольный вопрос.

– А ну-ка, Мацихатла, полезли на крышу!

– Зачем, владыка?

– Землю искать!

Глава 3. Здесь граду быть

С крыши дома Носача обзор и впрямь был неплохой: стоял тот на бугре, да и сам был повыше многих, хоть, и в один этаж. Я озирался, в поисках территорий, где бы я мог поселить своих черных. На севере полей действительно было много, они желтели покосенной ботвой и тянулись вдоль реки, покуда не пропадали из вида.

– А что у нас у реки?

Я, оказывается, вслух спросил. Безрод удивленно вскинул брови, но ответил.

– Мангра, владыка.

Всё устье ручья поросло кривыми, замшелыми, непроходимыми зарослями, которые достаточно широкой полосой тянулись на север и на юг.

– А почему бы их все не вырубить?

– Зачем?

– Под поля.

Мацихатла завис на несколько вдохов.

– Не надо владыка. Та земля нездоровая, лес гнилой, ямы с тинной. И заливают их постоянно.

– Но ты глянь южнее – там берег чистый. Значит, там вырубил?

– Это торговый берег, владыка. Там галька, песок, камни – вот ничего и не растет.

Поэтому там у Носача торжище располагается... лось.

– Почему у Носача? У берега ведь Крысы живут. Разве это не их торжище?

– Роду могут поля принадлежать, – Мацихатла рассказывал очевидные вещи и не скрывал снисходительного тона. – Всем прочим распоряжается совет вождей. И имачата. В Излучном имачата вождей мало слушает. Так что выгодное торжище давно под себя подгрел. Но я тебе о другом говорил: видишь, еще дальше мангра опять начинается? Снова берег илистый, топкий – и снова он весь зарос. Там, где Великая встречается с Серой Водой – один сплошной лес.

Я узнавал эти места: именно здесь осуществлялась наша «легендарная» атака на владения Носача. Когда всё, что могло пойти не по плану, пошло именно не по нему.

– Там, в основном, живут безроды – вон их редкие хижины. Что они могли отнять у мангры, уже отняли. Всё больше маленькие клочки сухой здоровой земли. Эти огрызки местные имачата чужакам разрешали засеивать – кто на них позарится? Так что нет смысла рубить мангру – древесина плохая, земля – еще хуже.

Индеец говорил убежденно, но я понимал, что он мыслит, исходя из своего уровня знаний. Наверняка мангровые заросли можно превратить поля. Только одной вырубки здесь мало. Нужно изучить рельеф, провести ирригационные работы: прорыть каналы, возвести насыпи. Продумать защиту от паводков. Всё это требовало таких усилий, которые я пока себе позволить не мог. Так что оставлю мангру на будущее.

Север занят, запад и юг в зарослях, а восток? Я, наверное, впервые пристально взглянул в сторону гор. Которые, кстати, южнее ручья были очень далеки от берега. Огромный пустырь, целая пустошь, плавно поднималась вверх, чтобы, наконец, соединиться со скалами.

– А там? – осторожно спросил я, ожидая подвоха.

– Сухотье, – развел руками Мацихатла. – Догадываешься, владыка, почему эти места так прозвали? Мертвая земля. Никаких родников, даже дождевая вода с гор туда не стекает – она вся на север, в ручей уходит. Крайне скудная земля. Видишь, там даже лес толком не растет. Коряги да кактусы. На Сухотье только самые отчаянные поля выжигают. И то – лишь поблизости от ручья.

Пустошь, действительно выглядела бесплодной. Но зато столько земли! Полить бы ее! Может быть, колодцы можно вырыть?

Мацихатла оказался бесценным кладезем информации. Знал он практически обо всем. И, если честно, когда увлекался, то с него спадала маска простачка, которую безрод старательно лепил на себя. Да и Носача он явно недолюбливал: все время в его речи проскальзывали обвинения против мертвого имачаты и всего его рода. Что-то было у них в прошлом. Что-то явно плохое.

Беда в том, что ничего полезного я пока из своего кладезя не выудил. Информация накапливалась, а решения не было. Ни по одному из трех пунктов.

– Володыко! – над краем крыши взошла кудлатая голова Ннаки. – От ты где ж! А я тебе ищущу!

Оцколи недобро сощурился в сторону Мацихатлы. Незримая война их за будущий месяц переросла все мыслимые пределы. Но я не помню, когда она началась. Кажется, уже тогда Мясо люто невзлюбил «кладезя». За что – понятно. Оба этих проныры были одного типа людьми. Очень похожими и поэтому остро конкурировавшими в рамках общей «экологической ниши». Ннака считал кормовое место подле владыки своим – и потому бесился, когда на нем начинали пастись другие. Глыба с Хвостом, даже Кочи с Вапачиро были другими людьми и не беспокоили моего чубатого горца. А вот безрод Мацихатла сразу показал, что готов грызть глотки и валяться в пыли ради теплого места под солнцем. И пахать, как проклятый. Не забывая о своей выгоде. Это в «кладезе» чувствовалось сразу. Вот и Ннака почувал это своим звериным чутьем.

Единственное, что их различало: Мясо был гораздо более прямым. Он мог хитрить и лавировать, но вот впрямую нализовать зад – неспособен. И по этой причине для меня оцколи был на порядки дороже и ближе, чем Мацихатла. Только сам я этого горцу не говорил. Пусть поволнуется. Как любой деспот, я просто обязан внушать своим ближникам, что я им нужнее, чем они мне. Глыба всегда знал, что «если что» – есть Черный Хвост. Почему бы Мясу не сформировать такую же угрозу? В лице Мацихатлы.

Но это еще впереди. Пока же я заметил короткий выстрел злобных горских глаз – не более.

– Чего тебе, Ннака?

– Та вот мыслишку думаю, володыко: а куда мы всё класть будем, коли ты решил туточь оставаться?

– Решил оставаться? – переспросил недоуменно Мацихатла, правда, так тихо, что я не обратил внимание.

– В чем проблема-то? – не понял я волнения своего помощника.

– Ну-тко, мы всё, что из пещер потайных повыносили, туточь поскладовали. И закрома Носача уже трещат! Вот-вот лопнут. А когдась ты свои запасы из Крыла перевезешь – кудыть это всё?

А ведь верно. Вот и вскрылось первое бытовое препятствие для моих грандиозных планов. И, очевидно, что далеко не последнее. Что вот сейчас делать? Сначала склады построить? Сразу новые вопросы: из чего? где? Излучное плотно заселено: где не хижина, там поле или огородик. Перебираться южнее, к безродам? Или вообще строиться на безжизненном Сухотье?

– Володыкоо! – позвал меня оцколи, бесцеремонно обрывая бег мыслей. – Я ж не закончил. Мыслишка одна имеется: а может, нам сокровища обратно в пещеру снести? Пещера огоромна, там и поболее товаров поместится.

– Так обворуют же! Мы поэтому всё и забрали.

– Забрали, потому что в Крыло увозить собирались. А коли остаемся, то проще сторожу поставить.

– В такую даль воинов гонять, – не унимался я, хотя, мысль Мяса уже начала крутиться в моей голове.

– А не надоть гонять. Построим тамось хибару, чтобы сразу жило полдвдцатки, а то и вся. Ручей рядом в расщелине течет, живи да хороняй.

– Надо посмотреть.

К «пещере Алладина» мы пошли в тот же день с пятеркой черных, чтобы, при случае, сразу присмотреть место для постройки «хибары». Дорога уже знакомая: по мосткам через овраг, по которому тѣк ручей, затем направо, к горам. Земля под ногами плавно повышалась, становилась всё более каменистой. Скалы слева и ручей справа незаметно, но неуклонно стремились друг к другу, сужая проход. Наконец, начался тот самый тяжкий подъем. Идти-то меньше полусотни шагов, а дыхание сбилось. Я глянул направо: ручей был уже не в овражке, а в глубоком каньоне, где-то в два человеческих роста.

Мы снова вышли на небольшое плато, где и располагался тайный схрон Носача. Ннака оживленно бегал туда-сюда, что-то высматривая.

– Ну, вот, володыко! – заорал он радостно. – Вот туточь отличное место: и тропу вниз видать, и пещеру. Места – куча! И один, и два дома построить можно! До воды рукой подать. А?

Я не отвечал... и по-новому окидывал взглядом пространство вокруг. Тихая уютная территория. С запада и севера она надежно огорожена горами. Не монолитная стена, конечно, где-то есть козьи тропочки. Но их можно будет найти и перекрыть. На востоке и юго-востоке плато надежно закрывает каньон, который проточил ручей за тысячи, если не миллионы лет. А на юге?

Не обращая внимания на недоуменно провожающего меня взглядом Ннаку, я вернулся к неудобному подъему. Прикинул расстояние: в поперечнике, от каньона до скалы тут было шагов 30. Вдали отлично просматривалось само Излучное. Слева, за ручьем, пейзаж был менее зрелищным – там серело жидколесное Сухотье.

– Володыко? – робко окликнул меня оцколи, не понимавший моего странного волнения, и от того сильно распереживавшийся.

– Да? – повернулся я к приятелю и успокоил его улыбкой.

– Тако... чѣ? Будем строить?

– Будем, Ннака! Непременно будем! Только не хибару. Завтра же с частью черных возьмешь всех пленных и поведешь их сюда. Построите сразу несколько больших временных хижин. Чтобы человек сто влезло! Как будут готовы – перенесем в пещеру наши сокровища.

Мысли роились в моей голове полубезумной стаей глупых, но крайне возбужденных собак. Я ничего не мог сформулировать, но чувствовал, что эта стая должна упорядочиться в нечто интересное. Нужна была помощь, и я точно помню, как со всех ног побежал к реке. Понесся, забыв обо всех своих придворных – только неприметный телохранитель Вапачиро легко бежал, отстав на пару шагов. Ровно на то расстояние, на котором он мог гарантировать мою безопасность. Я снова вышел на галечный берег Великой, присел на камешек поудобнее и шепнул:

– Поговорить надо.

Река плавно журчала. И больше ничего. Ни рыка, ни вздоха, ни бурчания. Понимаю, что глупо – после того, как голос самого Золотого Змея признался, что он просто сидит в моей голове, что это не бог, а я сам – но мне нужен был мой главный собеседник последних месяцев. Может быть, пойти к алтарю? Шаманыш, отправившийся с нами в поход, уже соорудил временный алтарь, но меня это место не привлекало. Никакой духовности – какой-то кровавый «кухонный стол».

– И верно, – раздалось над ухом (понять бы еще, над каким?). – Не привыкай к культуре! Боги не церквах сидят!

– Привет! – оживился я нупогодишному голосу волка. – Не отвлекаю?

– Ничуть! Я могу делать сорок тысяч дел одновременно. Я же бог!

– Понятно...

– А чего так кисло? Если уж говоришь со мной, то признавай правила игры: я бог, а не продукт твоей фантазии.

Наш диалог традиционно собрался перерастить в перепалку.

– Помоги мне, – тихо попросил я, радикально сменив тему разговора. – Я... я, кажется, боюсь решиться.

– Остаться здесь?

– Да. Тут боязно.

– Мы это уже обсуждали. Ты зарубил Носача, пришел в Излучное – и раскрылся. Ты больше не жалкий Недоносок. И тебя уже сочли врагом. Опасным. А значит, доберутся до тебя. Тут или там – неважно. Если думаешь, что в Крыле отсидишься – не мечтай! Лучше уж в горы, к дикарям беги. Там тебя пурепеча с Ицкагани не найдут. Правда, горцы прирежут.

– Значит, что?

– Значит: использовать каждый данный тебе день для того, чтобы нарастить клыки, когти и мышечную массу. Где это лучше сделать?

– Здесь, – сказал я твердо и убежденно.

– Ну, а тогда какие сомнения? – зарычал бог, сидящий в моей голове.

– Сложно. Надо много вопросов решить. Я уже утопаю в задачах.

– Ну, давай разбираться. Где этот твой листочек?

– Тебе-то он зачем? Ты ж меня насквозь видишь.

– Для упорядочения мыслей. Не спорь, а доставай! Вот смотри: «безопасность» – ты ведь уже всё придумал? Верно?

– Кажется, да. Эта площадка в горах – отличное место. Там можно построить и дворец, и казармы и склады. Территория закрытая, вода рядом, до селения – метров триста. Если поперек крутого подъема поставить небольшую стенку – целая крепость выйдет.

– А если еще покрутить? Взять и выбрать весь подъем! Сейчас вы ходите по гипотенузе, а сделать можно два катета: горизонтальная дорога и вертикальная стена поперек всего прохода! Чистая скала! А сверху еще и твою стенку выложить!

У меня загорелись глаза: если убрать камень, вырубить уклон – то площадка в горах станет реальной крепостью!

– А смогут ли четлане?

– Как заставишь, – хмыкнул Желтый Червяк. – В целом, они отличные каменотесы. В общем, ставь на первом пункте галочку. Долго, но реально. Что там дальше? Лояльность и земля для черных. Давай с землей разберемся, тем более ты ее нашел.

– Да не очень-то нашел. Что-то можно отвоевать у мангры...

– Это фигня! Это на потом. Ты лучше вспомни про восток.

– Сухотье? Да за такую землю черные меня проклянут! Почва неплодородная, ничего не растет, куча камней. А воды вообще нет.

– Есть. Ручей тот большой, течет прямо между твоей будущей крепостью и Сухотьем. Течет в овраге. А ты перед крепостью каменоломню устраиваешь. Не один десяток кубов выработать придется.

И смутные идеи в моей голове вдруг сложились в четкую идею: грандиозную и наглую, но она могла сработать!

– Завалю камнем овраг! Устрою запруду, подниму уровень воды, а потом проведу канал на Сухотье...

Папановский волк довольно засмеялся.

– Это ж сколько работы..., – ужаснулся я нашему замыслу.

– До пупа, – согласился бог. – Но и до сева еще пять месяцев. Тут главное распределить нагрузку. Одни будут вырубать скалу, вторые строить твои хоромы, третьи рыть канал. И черным участки поскорее нарежь: пусть пока выжигают имеющуюся жидкую поросль, камень выбирают и им же нижние склоны участков укрепляют. А еще можешь их научить ил копать в реке. Пара корзин в день – глядишь, до весны уже жирная земляница станет.

– Интересно, они так весь ил не вычерпают? Вдруг местные обидятся?

– Вряд ли: Великая – велика! Но, в конце концов, можно самих Крыс Клювастых подрядить: пусть черпают ил и продают твоим воинам. Раскошелишься, сделаешь ребятам приятно! А еще можно использовать твой же опыт: золу собирать, компост творить. В общем, было бы желание – вопросы можно решить.

– Тогда и с третьим пунктом разберемся? Как мне местных лояльными сделать? Согласись, хорошо править там, где правителя не очень ненавидят.

– Тебе виднее, ты у нас император, – съехидничал Великий Золотой Змей. – С обиженными всё просто: верни им то, что Носач или папаша его отняли. И эти ребята будут твоими.

– После такого Коты-Убийцы меня точно возненавидят.

– Ну, у них и сейчас нет особого повода тебя любить, так что не расстраивайся. Да и вообще, стоит тебе от этого рода избавиться.

Я аж поперхнулся. Это точно мой внутренний голос говорит? Я настолько здесь одичал?

– Да нет, геноцид их не надо, – хмыкнул Червяк. – Просто убрать.

– Куда?

– Да в Крыло. Здесь четыре сотни Котов – сила. А в Крыле – растворятся в массе местных. Будут тихими и смирными – к гадалке не ходи!

– А в Крыле я где их поселю?

– Товарищ император, ну чего ж ты такой несообразительный стал? До этого лучше шло. Смотри: Из Излучного мы вынимаем род и несем в Крыло. А на освободившееся место – сюда – переселяем один род из старой столицы. Понял? Коты же поселятся в освободившихся домиках и засеют чужие поля.

Идея мне понравилась. Опять же, как проверить ее? Ожидающие меня трудности уже сложились в горы выше местных, а это наверняка только авангард. Но переселение Котов-Убийц показалось мне самым верным решением.

– Кого же мне сюда переселить? – задумался я. – Точно не род матери! Пусть Желтые Рыбы там сидят, от меня подальше. И род Кочи нельзя: ему придется Крылом руководить. Только ему я могу это доверить... Может быть, разделить роды Треххвостой Звезды и Каменного Жука? Забрать один сюда – и прекратить эту дурацкую вражду?

– Думаю, лучше на месте решить. С вождами поговорить – кто охотнее согласится. Тут неволить не стоит.

Помню, что вечер в тот день навалился на меня совершенно внезапно. Только после осторожного прикосновения Серого к плечу я осознал, что солнце уже закатилось за горы. Кажется, в ту ночь я вообще не спал. Сидел в одной из комнат носачевского дома с тремя лучинами, обложившись остатками бесценной бумаги, что-то в них черкал, разрабатывая детальный план будущего: что за чем идет, кто за что отвечает.

А на следующее утро собрал свой тайный совет и с опухшим лицом, но горящими глазами рассказал своим помощникам о том, как мы дальше будем жить.

Ошалели все.

Глава 4. Лучший дар богу

Мое великое воинство, растянувшись гусеницей на пару сотен метров, втягивалось в южную часть Излучного. Впереди – гордые победители учений – золотые. Гордо расправили плечи, запрокинули головы. Над колонной воинов Глыбы не затухали шуточки и смех. Еще бы: настоящие воины доказали вчерашним проданным, кто тут батя. Поэтому именно им доверено нести главное знамя. Да, главное: знамен было уже три. Мое личное и главное – с золотым извивающимся Змеем. Я велел его нарисовать точь в точь, как было на рубахе, что сделала мне Соловушка. У Золотого воинства было полотнище с желтым кругом, а у Черного – с черным треугольником. Последний символизировал гору, на которой и зародилась моя вторая гвардия. Сегодня треугольник колыхался позади, а подле Змеева знамени весело трепыхался круг.

Великое воинство...

А, может быть, я зря иронизирую? Все-таки войско достаточно великое – боле полутора сотен бойцов. На штурме Излучного было еще меньше, а там немалую часть «армии» составляли ополченцы Крыла. Тут же – только обученные (или обучаемые) бойцы. К тому же, хорошо вооруженные. Этим вопросом я озадачил обоих командиров особо и средств не жалел. Золотые все, как один, были в деревянных полушлемах и стеганных матерчатых «кирасах». Я давно задумался об использовании более прочных материалов, велел собирать на складе толстые кожи и крупные кости зверей (лопатки, черепа, тазы) – но всего этого пока было крайне мало – на десять-пятнадцать человек. К тому же, я не знал, как именно делать кожаные и костяные доспехи, у местных тоже подобного опыта не было.

Зато с оружием всё отлично! У каждого золотого либо здоровенная – до метра длиной – мака с обсидиановыми пластинами (зверское оружие!), либо длинный топор, либо палица с шипами. У половины – обязательный атлатль с набором дротиков. У другой – крепкий круглый щит. Золотые учились работать небольшими подвижными группами. Минимальной боевой единицей была пара: щитоносец плюс метатель дротиков. Мы с Глыбой думали над защитой рук и ног, но этот вопрос еще висел в воздухе.

Черные были вооружены иначе. Не потому, что мы изначально всё гениально продумали. Нет, жизнь заставила. Золотые были профи, и новичков к себе Глыба отбирал таких же. А вот в воинство Хвоста шли простые люди. Почти все воинской науки не знавшие. Вот и решили мы, что ставку надо делать не на индивидуальный бой, а на коллективный.

У каждого черного был щит. Причем, не традиционный круглый, а вытянутый. Конечно, черные захотели себе делать щиты, как у их «императора». Я подумал-подумал и решил, что так даже лучше. Щиты вышли овальными, от стопы до плеча бойца. Некоторые даже были обтянуты шкурами, а не тканью. Хват, у них был, конечно, не как у меня, а кулачный. В общем, вышло что-то похожее на щиты каких-то африканских дикарей, которые я еще в своем мире видел в какой-то документалке. Кирас, правда, почти ни у кого не было. Но мы решили, что с такими щитами этот доспех не имеет первостепенной важности. Потом, со временем оденем ребят.

Вместо мак и дубин у черных были копья. Потому что новичка легче всего обучить «управлению» именно таким оружием. Нет! Для индивидуального боя и копье требует долгого обучения. Но толпой-то! Встань плотнее и тычь врага!

В общем, понятно, к чему всё дело шло: большие щиты, длинные копья... К фаланге, конечно. Плотный строй, стена щитов и простые поступательно-возвратные движения острыми копьями. Тут главное умелое маневрирование толпой, понимание команд и чувство локтя. Я выдавил из себя все, что знал о строевой подготовке, вывалил это на Хвоста и велел творчески развивать. Параллельно черные упражнялись в работе с пращей: хотелось, чтобы они и на дистанции могли вести бой.

Думаю, это мое войско раза в два сильнее того, что воевало под Излучным. А уж по организации – раз в пять лучше. И учения это показали. Мои командиры думали, хитрили. Воины действовали организованно, правда, дозоры черных в отрыве от начальства подвели: не подумали, не проявили нужной инициативы. А некоторые еще и струсили...

– Черный Хвост! Не помнишь, как звать паренька твоего, что в дозоре в бега бросился?

– Да уж помню, – скривился мой друг, будто зуб прихватило. – Аскуатла. Наши его Слепышом прозвали: ничего не видит дальше сотни шагов. Я его даже праще не тренирую.

«Ну и воин, – хмыкнул я. – Близорукий трусишка!»

– Можешь его позвать?

Муравей-Аскуатла подошел быстро: щит (для него здоровенный!) на спине, копьем, как посохом опирается. Раскосые глаза его были более узки, чем раньше, скулы опухли. А ведь после боя у него синяков не было! Неужели свои отделали?

– Готов служить, владыка! – громко выкрикнул он, глядя в землю, и подстроился под мой шаг.

– Ты с Крыла в воинстве или здесь нанялся?

– Здесь. Поллуны уже тебе служу. Змею клялся.

Клятву Змею новобранцы обоих воинств приносили не сразу, а только после того, как командиры решили, что новички достойны. Значит, Муравей вначале себя нормально показал. А вот на учениях подвел.

– Что ж, ты побежал-то в дозоре? Это же свои были! Война была ненастоящая – нечего было бояться.

Аскуатла сбился с шага.

– Я не струсил, – глухо ответил он.

– Тогда почему побежал?

Юный воин угрюмо молчал шага три.

– Владыка, я совершил ошибку. Но я не струсил, – помолчал еще немного и, наконец, поднял глаза. – Владыка... Позволь приобщиться к твоей мудрости?

Эк завернул!

– Э... Ну... Приобщись!

– Что делать, если ты знаешь, что командир отдает неправильный приказ? Можно ли не подчиняться?

– Тут не так всё просто... Приказу подчиняться важно. Очень важно. Но главная задача воина – не приказ исполнить, а врага победить. Иногда и впрямь приказ может быть необдуманым или ситуация уже изменилась, и надо иначе действовать. Тут, конечно, разумнее не следовать приказу. Но с другой стороны: а если ошибается не командир, а ты? Уверен ли ты? Примешь быстрое решение – и только хуже сделаешь.

– Вот и я не мог решить...

– А что было не так с приказом?

Однако, Аскуатла быстро закрылся и снова опустил глаза. Знакомое молчание! Особенно, для такого юного возраста: не буду наговаривать на своих. Не по-пацански. Не по-рыцарски. Меня даже любопытство распирало: что же там, в дозоре случилось? Но этот точно не расскажет. Особенно, сейчас.

– А ты уверен в своей правоте?

Скупой кивок.

– Тогда вот тебе еще моей мудрости: не сдавайся! Терпи и не сдавайся! Но и злость на товарищей не копи. Понял!

На этот раз Муравей кивнул менее уверенно.

– Иди к своей пятерке.

Я вернулся к Черному Хвосту.

– Негоже, когда войны избивают своих. Вы должны быть, как братья, должны доверять друг другу. Иначе в бою можно удар не от врага получить, а от своего же.

– И трусу доверять? – Хвост был категорически не в духе, вон, даже со мной начал спорить.

– Кто испугался один раз – еще не трус. Мы все боимся, но можем победить свои страхи. Трус тот, кто навсегда остается в плену у страха.

Предводитель черных шел молча, почти также долго, как недавно Муравей.

– Я поговорю с воинами, владыка... Да и начал Аскуатла очень неплохо... Я был очень удивлен его поступку.

Пора заканчивать с бесплатными сеансами психотерапии. Я не на работе, в конце концов! Напротив: я намерен в скором времени отдохнуть в своей новой постели, которую, наконец, сделали по моему заказу! Настоящую, удобную кровать! С матрасом и подушками (не пуховыми, увь!)

Но до постели было еще прилично топтать. Мы свернули на север и шли в аккурат между основным «жилмассивом» Излучного и Сухотьем. Последнее выглядело просто ужасно: и так редкая поросль вырублена и частично выжжена. Всюду – особенно, поближе к ручью – гарь и копать – черные таки получили свою землю. А южнее – две огромные полусферы печей для обжига керамики.

Это были две задачи, которые я выполнил первым делом, еще до отъезда из Излучного. Собрал местных и приказал построить большие печи прямо возле основного выхода пласта глины. Потому что вскоре мне понадобится очень много кирпичей! Излучинцы долго не понимали, чего я от них хочу. Но я уже видел местные печи и понял, как их усовершенствовать. Нет нужды жечь дрова и держать керамику в одной камере. На крепких основаниях нужно сделать поддон с отверстиями – своеобразную решетку из обожженной глины. Внизу разводим огонь, на поддон выкладываем изделия. И жар ровнее и изделия не копятся. Вокруг верхней камеры делаются сужающиеся стенки: невысокий купол с дыркой посередине. В дырку залезает человек и укладывает на решетку просушенные изделия (пока это будут кирпичи, а потом и кое-что другое можно). Дырка закладывается пластинами из обожженной глины – и айда обжигать! За раз можно сотню кирпичей сделать. Если бы печи не остывали целые сутки – можно кирпичи промышленными объемами гнать.

А потом я собрал черных. Специально вывел их на Сухотье, и объяснил, что скоро здесь будет цветущий сад. Конечно, привирал. Черные, глядя на полумертвую землю, поначалу хмурились, но постепенно их раскосые глаза округлялись от моих речей. Как не поверить любимцу Великого Золотого Змея, победителю коварного Носача и тэ дэ. Я же водил руками, показывал, как поднимается вода в ручье, как пройдет главный канал, где будут его ответвления. В тот же день приступили к разметке участков. Тут я позвал местных старейшин, которые в таких вопросах разбирались. Прикинули потребные размеры участков и начали вымерять. Я вспомнил вдруг про рогульку из старых русских фильмов, которыми меряли поля: всего три палки связать буквой «А», и работа идет невероятно быстро! Старики идею, кстати, оценили. Быстро связали пять одинаковых: на два шага. И пошли «шагать»! Я на куске ткани нарисовал наглядную схему: как должны располагаться участки, чтобы хотя бы с одной стороны к ним подходил канал.

Было немного страшно. Ведь всё зависело от того, удастся ли мне сделать запруды или нет? Пойдет ли по каналам вода туда, куда мне хочется? Хватит ли мощности ручья, чтобы оросить эту территорию? Это всё я не мог рассчитать, лишь надеялся на лучшее.

В завершении «аграрного дня» я рассказал воинам о том, как можно использовать ил реки для удобрения почвы и велел в свободное время таскать его на свои участки.

Оставалось еще и третье дело, которое необходимо завершить до отъезда в Крыло. После боя захватили мы в плен 34 человека, что оказали нам сопротивление. Шестеро из них даже

пустили моим воинам кровь. Все эти дни пленных держали в утятнике Носача, толком не кормили. Одно сплошное бремя, но и отпускать просто так их было нельзя. С другой стороны: в «кандалы» заковать тоже нельзя – так местный народ и обозлить легко. В итоге, день на седьмой или восьмой я велел старейшинам и народу собраться у алтаря Золотого Змея Земли. К тому времени мои воины насыпали небольшую земляную площадку вокруг наскоро обработанного валуна – не ахти что, но все-таки место для нового бога.

Золотые и черные построились по трем сторонам квадрата (ополченцев я тревожить не стал), все при полном параде – грозные и торжественные. Перед ними – пленники в ряд – связанные и на коленях. Местные собрались с южной стороны от алтаря.

– Я восстановил свое право над этой землей и этими людьми! – врубил я пропаганду без предисловий. – По слову Золотого Змея Земли не дал я изменнику Иттануаке увести вас с пути истинного. А потому радуйтесь: не падет на вас немилость бога моего, бога всей нашей земли!

Сначала – сладкая конфетка, потом – горькая пилюля. Это работает не только на деловых переговорах. Хотя... Сейчас велись самые что ни на есть деловые переговоры!

– Но! – воздел я здоровую руку. – Среди вас нашлись те, кто воспротивились моей воле. Подняли оружие. Мои воины были милостивы и не лишили их жизни. Ведь даже эти заблудшие, что стоят сейчас связанные пред алтарем – мои люди.

Пауза.

– И я прошу их! Каждый из 28-ми человек должен будет три луны работать на меня, после чего волен жить, как прежде.

Срок я рассчитал специально, чтобы пленники могли вернуться в семьи примерно за месяц до начала посевных работ – времени вполне достаточно.

В это время вперед выступил Шаманыш – весь в нарядном, в зловещей маске, которую ему в дорогу выделил Медработник Ецли-Ицла. Молодой жрец пояснил, что пленники, которые на крови поклянутся в покорности Змею, смогут даже вернуться в семьи. Им придется лишь ежедневно приходить к владыке и исполнять его задания.

Услышав об этом, пленники оживленно загалдели, начали вскакивать и выстраиваться в очередь для протыкания рук и принесения клятв. Толпа местных тоже загудела одобрительно.

«Эх, не выдержат, гаденыши! – сдерживал я улыбку. – Очень скоро начнут прогуливать. Но тут я их удивлю».

Когда все клятвы были принесены, алтарь уже подкрасился багровым, а утренние пленники утопи в объятиях родни, Шаманыш воздел руки, затряс трещотками и завыл в легком приступе одержимости.

– Нет клятвы важнее, чем клятва богу! – утробно изрек он. – И будет нарушивший ее лишен благодати до конца дней своих. Любой вправе лишить нарушителя жизни или принудить его служить себе. И первое право такое будет у владыки всех четлан, у избранника Золотого Змея Земли.

Пам-пам! Не придешь поработать на «императора» – и тебя на второй день твой же сосед в проданные заберет! Никакая стража не нужна – сами за нее всё сделают.

Народ заволновался. Одно дело, когда приперся давно забытый владыка – ему легко не доверять. Даже приятно немного. А теперь что ж: друг другу не доверять придется? Кто угодно возьмет да и заявит: Красное Перо уже третий день прогуливает, дайте я его к себе в холопы определю?

И я дам. Даже себе забирать не стану. Пусть поймут, что выгоднее на меня поработать.

Народ тихо бурлил, пораженный моим коварством, но не расходился. Потому что у алтаря продолжали стоять на коленях шестеро излучинцев. Тех самых, что смогли достать моих людей. Кого-то даже упокоить. Их судьба оставалась неясной. Пора снова выходить на авансцену.

– Кровь! – выкрикнул я. – Кровь – основа жизни. Жидкий огонь солнца, питающий каждого из нас, питающий самих богов. Нет лучшего дара богу, чем кровь. Нет большего греха, чем отнять кровь у другого. Не врага, но человека владыки.

– Эти шестеро пролили кровь моих людей. И расплатиться за этот грех они могут только своей кровью. Мы подарим ее Великому Змею Земли, дабы он смиловился ко всем нам.

В полной тишине я отступил. Все в этом мире понимали, что кроется за моими словами. Смерть. Жестокое и кровавое жертвоприношение во славу бога. Практически любого. Бывали жертвы добровольные, которые будили восторг в местных сердцах. Но это не сегодняшний случай. Сегодня излучинцы столкнулись с непреодолимой, но не радующей их реальностью. И, конечно, они вряд ли слышали о переменах, что случились в Крыле не так давно.

Я же не спешил их этой информацией обрадовать.

Вперед снова вышел Шаманыш. Он начал привычный экстатический танец перед принесением жертвы богу. Вернее, непривычный: ведь теперь этот юноша выводил главную «партию». Без помощников, без их хора, грохота барабанчиков и трещоток выходило не так величественно – но парень очень старался. Он пел, рычал, вопил о величии Змея. О его силе и мстительности. Он выкрикивал заклинания, с помощью которых его бог парализовал чудовищ, возводил нерушимый щит против Чужого и даже сбрасывал с небосклона коварную Звезду Утреннюю.

Наконец, Шаманыш взял ритуальную чашу и поставил ее перед алтарем. Махнул рукой, и мои воины подхватили первого пленника.

– Вытяни руки! – пророкотал жрец и резко полосанул ножом по запястьям.

Воины крепко держали руки пленника над чашей, куда бесшумно капала драгоценная влага. Шаманыш велел подвести второго, повторил процедуру и воздел руки к небу:

– Ваша кровь, ваша жизнь отдана Золотому Змею Земли. Вся. Без остатка. И только бог отныне определяет срок вашей жизни. Ибо теперь вы – божьи люди.

Так в Излучном познакомились с новым культом Змея – мягким и щадящим. Обряд прошел, как по нотам. Сначала я вернул семьям большую часть пленных – и они подуспокоились. Затем появилась угроза казни шестерых. Если это обозлило, то немногих – самых близких. Остальные же были довольны тем, что не казнили их мужчин. А когда стало ясно, что эти шестеро не умрут – народ был почти счастлив. Как счастливы и пленники: лучше уж быть живыми рабами, чем просто мертвыми.

С Шаманышем мы, кстати, договорились, что первое время эти шестеро будут работать на строительстве моих новых владений возле «пещеры Алладина». Тот, конечно, хотел сразу начать возводить платформу для нового храма, но я его убедил, что сначала следует укрепиться в Излучном. Зачем строить храм, если он сможет потом достаться другим.

Обряд шел долго, но в ходе него я не только умиротворил селение, но и разжился дармовой рабочей силой. И уже на следующее утро отправился в Крыло.

Глава 5. Дом, милый дом

А в Крыле жизнь текла так тихо и спокойно! Настолько обывательское умиротворение пропитывало столицу (экс?), что невольно хотелось расслабиться и ничегошеньки не делать. Войти во дворец, подняться в свою верхнюю комнатку, хлопнуть в ладоши да велеть подать жаркого с овощами.

Что еще для счастья нужно? У меня ведь всё и так было! Ну, почти.

Честное слово, я даже засомневался: а может, ну его нафиг? Вот это вот всё. Вернуться в Крыло и зажить барином в своей вотчине! Неужели в покое не оставят?

Не оставят.

Пока все на Великой офигели и пытаются дать оценку недавним событиям, пока никто не принял решения – надо шевелить булками! Готовиться надо.

В Крыло я забрал всех ополченцев, которые больше недели не были дома и уже готовы рвануть в самоволку, а также половину золотых. Со мной поехали Глыба, Тихий Ветер и, конечно, Ннака. Фактически запуск всех работ в Излучном я оставил на беднягу Черного Хвоста. Наверное, час парня инструктировал, парень в волнении измял свой передник, но я утешил его (да и себя тоже), что уезжаю всего дня на три. Для него главное: не сделать хуже и удержать жителей Излучного в покорности.

С тем и отплыли, едва солнце встало. В Крыле были уже в сумерках. Я только и успел, что разместить людей, отпустить ополченцев, сказав им теплые слова благодарности и вручив подарки из добычи. Отправил гонца к Кочи, чтобы утром пришел. И уже вдвоем с моим неизменным чубатым горцем мы при лучинах провели новый переучет казны. За несколько дней моего отсутствия она снова «похудела» – но я к этому был морально готов.

Когда наутро пришел Кочи, я уже вовсю корпел над списком: кого из дворца и Крыла забрать в новую столицу. Балласт мне не нужен – только полезные люди. В этом – тоже плюс нового места.

– Хочешь во дворце править? – без предисловий начал я.

– Чего? – нахмурился вождь. – Ядовитым кактусом с утра перекусил уже, владыка?

Характер Кочи не менялся. Какие бы хорошие отношения у нас ни были – язвой тот оставался первостатейным.

– Я в Излучное перееду. Помнишь ведь, о чем говорили мы? Собирать надо четлан. Воедино. Иначе переубиваем, перетравим друга, а выживших чужие владыки подчинят, – старик кивнул. – Вот этим и займись. А оттуда собирать народ сподручнее.

– Смелое решение, – потер гладкий подбородок Кочи. – Странно, конечно. Но деды помнили, что когда-то и в Крыле не было ни владыки, ни храма Змеева. Всё меняется.

– Верно, – поддакнул я. – Только в Излучном я весь в одну сторону смотреть буду. А назад оглядываться станет некогда. Вот и нужен мне здесь доглядчик.

– Я что ли? – усмехнулся собеседник.

– Только на тебя и думаю. В эти дни ты за Крылом присматривал. Вот и за всей долиной Серой Воды присмотришь.

– А на кой мне эти хлопоты?

Начинался торг.

– Да уж внакладе не останешься. Во-первых, занимай дворец. Одну половину не занимай – сюда я буду приезжать. Да на трон не садись! Поставь какой-нибудь мешок рядом – и с него властвуй. Во-вторых, объявлю тебя своей правой рукой – мне как раз здоровой правой не хватает.

– Вот уж честь так честь! Буду ее на лепешки маисовые намазывать – слаще меда станут!

– Честь тоже хорошо. Подумай, кем ты станешь в Крыле по сравнению с прочими вождями?

Кочи задумался. Хитрые бесенята заиграли в глазах – ужо наплачутся вожди в бывшей столице!

– Но и это не всё. Будешь от моего имени собирать подати со всех селений к востоку от Излучного. Как и раньше было. Двдцатую часть оставляешь у себя – остальное будешь отсылать мне.

– Ого, какой подарок! С чего такая щедрость, владыка?

– Это не подарок. Это плата за службу, за то, что от моего имени суд будешь вершить, безопасность обеспечивать, – Кочи округлил глаза и приготовился разразиться новой порцией желчных речей, но я его остановил. – Стража будет обеспечивать. Во дворце поселится двдцатка Золотого воинства. Кстати, содержать ее будешь из своей части податей. Двдцати бойцов на мелких разбойников хватит. Ну, а если посерьезнее беда случится – шли гонцов в Излучное. Я же, как-никак, владыка.

– Круто берешь, – хмыкнул старый вождь. – Уж ломаешь, так ломаешь. Скажи мне, Сухая Рука – откуда в тебе это взялось? Я ж тебя помню: то ерунду нес, то вообще немтырем мычал.

– Бог смилостивился, – к таким вопросам я готовился заранее. – Сказал, что Чужой меня одурманил. Но Золотой Змей Земли сильнее сил Звезды Утренней. И освободил мой дух. А то, что ломаю... Так, думаю, не убей Толстяк Соловушку, я бы, возможно, ломать и не начал.

– Сомневаюсь, – Кочи хихикнул в кулак.

– А ты поменьше сомневайся в словах своего владыки! – приструнил я новоиспеченную правую руку. – И вот еще: есть у меня в Крыле кое-какие начинания – ты уж их поддержи.

Так на Кочи были повешены контроль за тапировой фермой и экспериментальными полями с разными удобрениями. Участки уже подготовили к посеву в зиму – авось что-нибудь прорастет. Тогда весной будем уже храмовые земли удобрять. Ну, а там, глядишь...

Еще поручил я заботе Кочи свой «колхоз» на горе по добыче агавы. Последним теперь руководил Дерево У Воды – мой первый проданный, который не стал вступать в Черное воинство. Сейчас в «колхозе» оставалось меньше двух десятков работников, но я надеялся снова наладить производство нужного товара. Даже предложил Кочи кооперацию: мои люди поставляют волокно, а люди старого вождя будут перерабатывать его в нити и веревки. Десятую часть Кочи может забирать себе, а остальное пусть шлет мне в Излучное. Нити и веревки – более дорогой товар.

Разговор вышел долгий, ко мне сунулся было Ннака, но я его отправил паковать и готовить к перевозке сокровищницу. Мы решили оставить для Кочи часть зерна и других продуктов, остальное же – вывезти в Излучное «первым парходом». В итоге пришлось повесить всю эту работу на чубатого оцколи, так как надо было решать военный вопрос. Я позвал к себе генерала Глыбу с Тихим Ветром. Последний крайне не хотел переезжать в Излучное. Он был уроженцем Крыла, сильно привязанным к своей родне из рода Трехвостой Звезды. Кроме того, парень заневестился – и это оказалась столь редкая в данном обществе история взаимной симпатии, если не любви. Ну, кто я такой, чтобы вставать на пути влюбленных?

– Тихий Ветер, ты возглавишь отряд Золотого воинства в Крыле, – строго заявил я молодому воину и не смог сохранить маску, видя, как просияло его лицо. – У тебя будет одна двдцатка... Пока, по крайней мере. Жить будете во дворце, где раньше жила стража. Ваша задача: исполнять поручения Кочи. Всё, что нужно для содержания и вооружения отряда, тоже будешь получать от него. Но ты должен помнить всегда: вы не его стража! Ты и твои бойцы – часть Золотого воинства! Поэтому первостепенными приказами для вас должны быть те, которые отдадим я и Прекрасная Слеза, – я кивнул на Глыбу. – Понятно?

– Разумеется! – широко улыбнулся Ветер.

– Также будешь следить за тем, чтобы исполнялся мой старый приказ: каждый род в Крыле должен иметь двадцать хорошо вооруженных воинов. Пусть периодически собираются на вашем подворье, учи их боевым приемам, к воинскому порядку приучай.

– Ага! – пока Ветру все мои приказы нравились. – А моей двадцаткой станут те, кто сюда с нами приехали?

– Э нет, брат, – осадил я его фантазии. – Эти воины нам в Излучном ой как понадобятся. Тебе придется начинать с одного воина – с себя самого.

– Поговори с парнями, – влез в разговор Глыба. – Можешь взять двоих, из тех, кто захочет остаться. Так полегче будет начинать.

И генерал вопросительно взглянул на меня. Я кивнул. Действительно, троим будет намного легче, чем одному. А с меня от пары бойцов не убудет. Тем более, я тогда уже вынашивал в голове программу расширения обоих воинств.

– К тому же, есть у меня для тебя еще кандидаты, – подмигнул я свежее испеченному командиру крыльского гарнизона. – Приведите пленников!

В закромах дворца до сих пор томились излучинцы, которые приехали нагибать владыку-Недоноска вместе со своим Носачом. Их осталось шестнадцать, один все-таки помер от ран за прошедшие дни. Еще до похода я успел перемолвиться с ними парой фраз, так что понимал, что большинство пленных особой личной преданности не питали к убитому вождю. Шестеро из них были безродами, двое – Колибри и четверо – Клювастыми Крысами. Я велел приводить их по одному, предлагал парням шанс начать новую жизнь: остаться в Крыле и поступить на службу в Золотое воинство. Согласились все – таким образом, у Ветра набралась уже более половины отряда, к тому же, достаточно опытных в обращении с оружием. Верность их, конечно, еще предстоит проверять, но, я думаю, эти парни должны уцепиться за шанс подняться выше своего прежнего положения.

Четверым оставшимся я ничего не предлагал: все они были из рода Котов-Убийц. Я не собирался давать им оружие здесь, в Крыле, ибо сюда вскоре переедет весь род. Четверку Котов я велел привести сразу вместе и объявил, что они поедут вместе со мной в Излучное. Как прочие пленники будут работать на меня три луны, после чего смогут воссоединиться с родными.

Последний пленник был самым важным. Шикальицеи или Кровавая Чаша. Именно так нескромно назвал своего единственного сына Носач Иттанауака. Парню было лет семнадцать, был он невысок. Даже для своих лет. Даже для четланина. Но крепкий, ширококостный, поджарый. И смотрел на меня с таким гневом, что не будь у пленника длинной челки, да появись густая щетина на лице, я мог подумать, что столкнулся с подгулявшим кавказцем в темном переулке.

Пленник вывалил на меня тонну ругательств, едва его ввели в покои. Один из золотых, даже не спрашивая у меня разрешения, зарядил парню кулаком под дых. Пока наследник откашливался, я воспользовался минутной тишиной и поспешил объяснить, что полностью лишил его наследства.

– Ты поедешь со мной в Излучное и будешь жить подле меня.

– Лучше убей меня, Недоносок! – закричал продышавшийся Носаченыш. – Или в первую же ночь я тебя прирежу!

– После следующей угрозы ты будешь служить мне, но с отрезанными большими пальцами.

Парень раскрыл свою пасть, но тут же захлопнул, так как угрозу я произнес спокойно и буднично, чтобы не оставалось ни малейшего сомнения: я ее исполню. Более того, я был готов ее исполнить. Но все-таки хотел оставить мальчишку целым. Оставалось надеяться, что у парня хватит мозгов на то, чтобы не выкрикивать угрозы, а хранить их при себе до удобного момента. Который я, конечно, предоставлять ему не собирался.

Мозгов хватило. Парень готов мученически умереть, но вот мученически жить бессильным калекой – не готов.

– Я не буду тебе служить, тварь, – буркнул «экспринц».

– Будешь, – тем же ровным тоном продолжал я. – У меня твои мать и сестра.

– Что ты сделал с ними, подлец?! – Шикальиenci рванул ко мне так стремительно, что золотые еле успели его остановить.

Признаюсь, тут мне большого труда стоило сохранить спокойствие, но я держался, как мог. Спектакль нужно доиграть до конца, ненависть мальчишки необходимо погасить абсолютным равнодушием.

– Ничего не сделал. Мне они не нужны. Но мать твоя сильно больна, им обоим нужна пища. А я их содержать не намерен. Только ты сможешь заботиться о них, кормить их.

Сопит.

– А что я должен буду делать?

– Не знаю. Может, землю копать, может, камень колоть. Мне твои таланты неведомы. Но содержать вашу семью я стану только за работу, – и, не дав, Шикальиenci ответить, махнул рукой: уводите, мол.

Пусть думает, что он для меня вовсе неважен. Одно из мелких дел в длинной череде. Тем более, что дел и правда много. И главное – это найти людей для переселения. Еще в дороге я решил, что хочу забрать в Излучное род Капибары. Большой, сильный, ни в каких склоках не погрязший. К тому же, с вождем его – долговязым Шитайей – у меня вроде бы неплохие отношения сложились. К нему и пошел. Вернее, поехал в паланкине, в который меня опять старательно запихала дворцовая челядь (вот почему уезжать отсюда надо!).

Шитайя меня не ждал, но принял тепло. Расстелили коврики, устлали их яствами (а я и вправду пообедать не успел). Минут пятнадцать мы упражнялись в светском четланском этикете, перебрасываясь вежливой пустотой, а потом я взял быка (к сожалению, отсутствующего в этом мире) за рога.

– Вождь, я предлагаю тебе переехать всем родом в Излучное, на Великую.

Я честно готовился! Подбирал самые неотразимые аргументы, дабы убедить Шитайя, что переезд – это выгодно. Но всё оказалось ненужным трудом.

– На Великую? – глаза вождя сначала вспыхнули, а потом затуманились паволокой.

И я вспомнил, как Мокрая Рука рассказывал мне о своих похождениях юности, о плаваньях по большой реке, о неведомых матлацинках. Неумным парнем был вождь, раз поперся в такие дали. И, видимо, не до конца угасли в нем мечты о странствиях.

– Но где мы будем жить на Великой? – всё-таки задал он разумный вопрос, ибо не хотел заставлять своих сородичей обживаться с нуля на новом месте.

Я вкратце поведал ему о своих планах по людской рокировке.

– А на кой тебе это, владыка? – изумился он.

Пришлось объяснить и это.

– О! Доверяешь мне, значит? – сделал свой вывод Шитайя. – Приятно слышать. Что ж, если не на пустое место – то можно и переселиться. На Великой всяко лучше, чем здесь. А когда ты хотел это сделать?

– Чем скорее, тем лучше, вождь.

– То есть, совсем скоро? Я-то думал, это дело не одной луны.

– Нет у меня времени. Назови сам: за сколько дней сможешь убедить людей и всё нужное собрать?

– Ну... Ну, хотя бы две пятерки дней.

– Хорошо.

Я вынул прут и сделал на нем десять глубоких зарубок.

– Вот, держи. Отламывай по зарубке в день. Как дойдешь до восьмой – отправь ко мне лодку с людьми понадежнее, они на месте осмотрятся и остальных встретят. А, если через два дня лодка не вернется, значит, всё хорошо – и можно плыть всем родом. Там вас встретят, Котов-Убийц в Крыло пошлем – и сможете заселяться.

– Ладно придумал, – Шитайа разглядывал прутик. – Долго кумекал?

– Да аж мозги взопрели!

– Мозги?

Я совсем забыл, что четлане не знают о функции мозга. Думает как бы человек в целом, никакой орган, по их мнению, за это ответственности не несет. Я начал было объяснять вождю, но понял, что ничего не выходит... да и зачем это? Что мне, что ему. Мы перешли на обсуждение деталей... на что и ушел остаток вечера. Я категорически не успевал вернуться в Излучное в срок, в который пообещал Черному Хвосту.

Вечером на меня накинудся Мясо, жалуясь, что ему абсолютно не хватает ни мешков, ни корзин для упаковки наших богатств. Так и сказал паразит – «наших»! Рано утром приперся Кочи, который врубил жмота и полчаса выносил мне мозг (которым я не думаю) на тему: а чего это он, Кочи, должен сам вооружать стражу? Пришли Каменные Жуки и Желтые Рыбы: дай нам вождей. Я же после казни заговорщиков запретил им самим новое начальство избирать. А у ребят из-за этого, духи грустят, крокодил не ловится и так далее. Почему-то тогда я решил, что очень важно будет самому «правильных людей» посадить. Сейчас же от других забот голова шла кругом.

– Сами вождей ищите, по старинному обычаю! – отмахнулся я от них и поспешно добавил. – Но чтобы это были не братья и не сыновья казненных!

К обеду я просто сбежал от всех людей в храм. Деревянный истукан Желтого Червяка оставался исключительно деревянным, так что я удовольствовался беседой с Медработником. Верховный жрец поинтересовался, как там справляется его зам. Я искренне ответил, что Шаманьш работает творчески, с огоньком.

– Ну, и слава Змею, – улыбнулся Ецли-Ицла. – Тогда я пока переезжать не буду. Но ты уж храм там строить начни!

Я понимал своего верного союзника: жрецу не терпелось поставить на рельсы зарождающееся храмовое хозяйство. Земля у него появилась (благодаря мне), количество посвятивших себя богу четлан достигло уже двенадцати человек. Надо делать бизнес! Я искренне пожелал Медработнику удачи в этом, но сделал себе зарубку на память: амбиции храма надо будет сдерживать.

А потом был совет с новыми и старыми вождями. Я представил всем свою ворчливую правую руку. Остаток дня носился со списком полезных людей по всему Крылу (ну, как... носились мои бедные стражи с паланкином на плечах), чтобы напнуть каждого! Чтобы хоть к обеду следующего дня моя орда смогла отчалить и устремиться!

Что говорить, командировка в Крыло вышла продуктивной, но такой изматывающей!

Глава 6. Возьми Сына Обезьяны

Я так увлекся воспоминаниями, что пропустил момент, когда авангард моих войск уперся в овраг. Просто спины идущих впереди неожиданно замерли на месте, и я едва не воткнулся в свою же охрану. До строящегося дома было рукой подать, но вот это «рукой подать» нужно еще преодолеть. Когда в районе малого плато начались работы, здесь на скорую руку соорудили новый мост через овраг. Ключевые слова – «на скорую руку». Вышла тонкая, хлипкая переправа, конечно, не предназначенная для пропуска полутора сотен здоровых снаряженных воинов. Армия, уже задолбавшаяся возвращаться с учений остановилась, и бойцы по одному стали перебираться на северный берег ручья, где и начинались мои новые владения – Аграба.

Ну, а как еще назвать место, расположенное рядом с «пещерой Аладдина» – тайником Носача (а ныне – моим складом)? Конечно, я в курсе, что действие настоящей сказки про Аладдина происходило в Багдаде. Но что поделать, даже «император Четландии» является жертвой маскульты, и диснеевская Аграба ему привычнее. А местным, кстати, это выговаривать было совсем нетрудно, только ударение они упрямо ставили на второй слог.

Пока войско застопорилось, я подошел к оврагу. Несмотря на вечернее время, работы вокруг Аграбы еще велись. Здесь были заняты четыре десятка пленников, некоторое количество проданных – но и этого количества не хватало. Я стал нанимать жителей Излучного, безродов за плату, благо, богатств владыки и Носача еще хватало. Только на обжиге кирпичей работали не меньше десятка: одни копали глину, другие часами месили тесто в специальных ямах, третьи формовали кирпичи (длинные и плоские), четвертые сушили. Каждые несколько дней начинался обжиг: все прочие работы бросались, и «кирпичная бригада» в полном составе обслуживала две печи.

Здесь, у ручья, работы еще больше. Самая большая толпа трудилась на каменоломне. У крутого подъема мужики выбирали склон. День за днем они колотили битками из твердых пород камня, отламывая породу под ногами. Опытные каменотесы искали трещины, загоняли в них деревянные клинья, поливали водой и ждали. Монолит со временем лопался – и на жертву накидывались ребята с тяжелыми битками. Подъем становился всё более горизонтальным, упиравшимся в вертикальную стену из цельной скалы. Когда работы закончатся, ее высота будет почти с мой рост. У края примыкающего к оврагу еще оставался кусок пологого подъема – метра два шириной. Только по нему сейчас можно пройти в Аграбу, но в конце мы несем и его. Стена станет сплошной, подниматься на нее будут по приставным лестницам.

Я вздрогнул от грохота камней: кто-то сбрасывал отвал в овраг. Всё верно, весь отколотый камень мои люди сбрасывали вниз, создавая запруду. Поначалу обломки носили в корзинах за спиной. Пока в один прекрасный момент я не вспомнил про тачку! Простейшее приспособление: колесо, две ручки и кузовок. Даже в бездорожной Америке ее вполне можно использовать. С мозговитыми парнями мы весь вечер обсуждали конструкцию. Я показал на маленькой модельке из глины, как будет работать колесо, они предложили не собирать кузов из досок, а сплести из толстых лиан. Несколько дней делали детали, подгоняли – и вот уже третий день на каменоломне работали две экспериментальные тачки! Не скажу, что стало быстрее, но работники теперь меньше времени тратили на переноску и заметно меньше уставали! Если приживется – то колесо в Америке уже появилось! Авторские отчисления мне, будьте любезны!

Я глянул вниз: камни заполнили овраг до половины. Правда, воды пока накопилось совсем мало, она просачивалась сквозь неплотный завал. Но мои ребята уже нашли решение: начали делать глино-известковый раствор, чтобы заливать им заднюю сторону запруды. Такой раствор вода не размочит – и плотина запрет ручей! Проблема в том, что залежи известняка находились далеко – к северу от Излучного вверх по Великой. Несколько пленников целый

день ломали там куски, толкли их в порошок, а вечерами несли полные корзины в Аграбу. Раствор делали наверху, но для плотины его еще не хватало.

Я перевел взгляд направо. На левом берегу ручья было тише всего, но шесть человек непрерывно трудились и здесь. Первым делом, чуть выше будущей плотины прямо в скале они прорубили узкий канал двухметровой глубины. Вывели его к Сухотью и дальше начали копать землю простыми мотыгами. Будущий водовод мы тщательно вымеряли два дня. Изучали высоты (на глазок, конечно) так, чтобы вода сама текла по каналу вниз, не застаивалась и орошала максимальное количество участков. Здесь работы шли не спеша, их нужно было закончить до сева. Надеюсь, к этому времени в водохранилище уже будет достаточный уровень воды.

– Владыка! – окликнул меня Черный Хвост. – Золотые перешли. Мост свободен.

Черное воинство пропускало меня вперед. Я ступил на временный мостик, который неприятно спружинил под моим весом. «Надо нормальный мост построить», – промелькнуло в моей голове. «Император» сам себе кивнул и сам же хмыкнул: эта мысль возникала у него ежедневно, едва он вставал на ненадежные бревна. Однако, рабочих рук не хватало катастрофически, а эта временка со своей задачей справлялась. Возможно... Когда-нибудь в будущем...

Я поднялся по узкому подъему наверх и снова наткнулся на работающих. Прямо в каменном полу здесь выбили несколько «ванн», в которых и замешивался глино-известковый раствор. Почему здесь? Да потому что естественной стены мне было мало. Поверх несколько опытных каменщиков строили стену рукотворную: самые ровные обломки камней снизу забирали – и садили на раствор. Я проверял, оказывается, смесь глины и извести схватывается насмерть. Стену велел делать до пояса, оставив пару проходов для будущих лестниц. Потом, возможно, сверху наростим еще и кирпичную стену.

Потом – потому кирпичей не хватало! И тоже катастрофически! Да, внизу, в Излучном их «стряпали» непрерывным потоком, но потребности в Аграбе были всё равно выше. Несколько зданий к концу месяца успели закончить, но это лишь меньшая часть от запланированного.

Первое здание встречало нас почти сразу за стеной. Слева, впритык к скале стояла высокая хибара, у которой даже крыша была крепкая, глиняная, с деревянным каркасом. Это «предбанник», который перекрывал подход к «пещере Алладина». Теперь дорогу к казне владыки и сокровищам Носача преграждал не валун, а тяжелая массивная дверь на нескольких запорах и постоянный пост стражи. С одной стороны, место неудачное – слишком близко от входа в Аграбу. Но с другой стороны, здесь всегда будет «тусить» много стражи. Да и больно удобной оказалась пещера для хранения всякого разного. Каменотесы слегка расширили проход, сделали его более удобным – так что лучшего хранилища не придумать.

Далее к северу – наоборот низкое здание. Это зернохранилище. Я нашел небольшое возвышение, куда не будет стекать дождевая вода, и велел долбить ямы прямо в скале. Долго, но зато монолит! Да и камень нам для запруды нужен в изобилии. Уже над ямами возвели стены и крышу.

По центру плато в три ряда шли легкие хижины «из говна и палок». Временки, в которых пока ютились оба моих воинства. Для них нормальные казармы я построю еще нескоро. А первоначально здесь поселился род Капибары. Целых два дня жили.

Переселение прошло почти без проблем. Почти. Я со школы помнил рассказы про древнюю Ассирию, которая переселяла целые народы, чтобы те были покорными. И даже не задумывался: как они такое умудрялись повернуть?! Ведь это же жутко сложная логистическая задача! Если даже не касаться военно-политических сложностей. Мне вот нужно было переселить всего четыре сотни человек на несколько десятков километров. И я очень готовился. Но оказалось дико сложно.

Главное, что удалось, это сохранить свой план в тайне до часа X. Иначе, не знаю, что вообще случилось бы. В назначенный день на лодке приплыл младший брат Шитайи с тремя

сородичами. Я провел их по Излучному, показал те места, где они поселятся. Жилья было много, род Носача обширнее Капибар. В тот же вечер я собрал у себя старейшин Котов-Убийц и рассказал им свои планы. Объявил, что у них два дня на сборы, что в Крыле им дадут и дома, и землю. Старейшины возмутились, я целый час принуждал их дать согласие, после чего отпустил, чтобы он довели информацию до остальных. Пленных же Котов наоборот не стал отпускать на ночь домой, чтобы не бузили. По селению всю ночь ходили патрули обоих моих воинств. Шум был, но не такой сильный, как я боялся.

Только вот никто за два дня не собрался. А когда по Серой Воде начали сплавляться и приставать к берегу лодки и плоты Капибар – люди рода Носача поняли, что всё всерьез, что всё на самом деле. Какой вой поднялся! Коты-Убийцы стали сбиваться в большую толпу, грозившую поднять мятеж. По тревоге сбегались мои воины, люди Шитайи – на которых, первым делом и направлялся гнев Котов – ошетинились копьями. Кровь не пролилась чудом – здесь очень помог Глыба, который рычал на местных так, волосы с голов сдувало. Черные с золотыми отогнали бунтарей от Капибар, я временно переселил приезжих в Аграбу и снова притащил старейшин к себе.

– Я ведь вас предупреждал? – орал я на них. – Вы же согласились?

Старики тоскливо смотрели перед собой и мелко кивали. Конечно, все понадеялись, «что обойдется». Глупая привычка сидеть, ждать, что плохое само собой рассосется. А в итоге Коты едва не взбунтовались, Капибары тоже чувствовали, что их обманули.

– Один день у вас! – хлопнул я ладонью по столу, который только-только у меня появился. – Завтра в полдень отчаливаете! Все, что не успеете забрать – я заберу! Все, кто останутся – торгашам приедем продам!

Я был гневен! Такой план продуманный порушили! И теперь, старейшины, поверили. Всю ночь мои воины были под оружием и патрулировали селение: сначала золотые, потом черные. Но обошлось. К обеду Коты-Убийцы начали стягиваться к берегу с тюками. Мои воины распихивали их по плавсредствам, оставшимся от Капибар, помогали упаковаться. В дорогу с непослушным родом отравилось всё воинство Глыбы: чтобы не «растерялись» в пути. В последний момент я выпустил пленных, чтобы присоединились к своим.

Очень волновался, но караван до Крыла добрался относительно благополучно. Правда, за эти дни опустевшие дома и подворья Капибар были разграблены максимально! Что-то просто разломали. Так что роду Носача обживать было непросто.

Другое дело Капибарам! Домов полно – заселяйся, не стесняйся! Земли вот маловато, но Шитайа не спешил: со стариками тщательно изучил «земельный фонд» и занялся неспешной перемежевкой. До весны еще далеко.

К тому времени я уже вернул роду Колибри отнятые поля на севере, а Клювастым Крысам передал весь чистый от мангры берег. Так что последнюю неделю в Излучном население стало совсем лояльным, а я полностью сосредоточился на вопросе безопасности. Стройка закипела с новой силой. Переехавшие Капибары охотно помогали своему владыке, пока не началась посевная страда, и хватало свободного времени.

Строительством домов они, в основном, и занимались. В Аграбе на сегодня готовы всего три небольших здания. В самом дальнем северо-западном углу. Одним из них был мой «дворец» – небольшой домик о пяти комнатах. Этот «угол» я выбрал потому, что там росло хотя бы несколько раскидистых зеленых деревьев. Свой микрозамок я повелел вписать так, чтобы деревья его окружали, словно небольшой сад.

Спальня, рабочий кабинет, умывальня, зал для совещаний и личное маленькое хранилище. Даже кухни своей не держал – мне приносили еду от общих котлов. Зато в спальне была почти настоящая кровать, в кабинете – дощатый стол, в умывальне – ванна! В камне выколотая. И свой фильтр для чистой воды. Комфорт важнее роскоши.

Правда, это еще не весь дом. От боковой стенки шел отдельный глухой глинобитный коридор, метров десять в длину. Он соединял мой «дворец» с еще одним домом. Практически одной большой комнатой с перегородками. В ней жила семья Носача: больная вдова, которая совсем не вставала с постели; дочь – моя несостоявшаяся невеста; и сын, который вечно испепелял меня ненавидящими взглядами. Дом был крепостенный, с глухой крышей, узкими оконцами и единственным выходом через упомянутый коридор. Впрочем, я не держал Носачевичей взаперти. Лежащая мать надежнее якоря держала рядом дочку, а уже обе они – мальчишку Шикальицеи. Последний даже работать начал, чтобы кормить семью. С ненавистью в сердце, но что поделать. Наверняка парень где-то уже припрятал нож для сладкой мести, но в «микродворце» постоянно дежурила пара стражей. Да и Вапачиро – мой верный телохранитель – просто взял и стал жить в зале для совещаний... когда там не проходили совещания.

«Невеста» первое время очень дичилась меня. Сиднем сидела в своем флигелечке возле матери. Но жизнь заставила выходить по разным надобностям. Даже со мной заговаривать начала. Хотя каждый раз бледнела и нервно теребила руки.

Но это уже ее проблемы! Мне важно было, что семейство моего врага под приглядом и ничего за моей спиной не мутит. «Держи друзей близко, а врагов еще ближе»!

Раздав отцам-командирам указания, я окончательно выдохнул и двинулся напрямик к своему дому. После долгого перехода тело болело, даже с некоторой ностальгией вспомнился паланкин, принципиально оставленный в Крыле! Ходить ножками по 10-15 километров оказалось непростым занятием для моего императорского тела, как я его не тренировал. Когда основная масса народа осталась далеко позади, я окончательно отдался во власть слабостей: скинул бесконечно тяжелый щит и боевую кирку на следовавшего рядом неизменного Вапачиро. Серый молча принял оружие и пошел с ним, не сбавив темпа. По нему вообще не было понятно: прошел он 15 километров или вообще никуда не ходил.

Дом был всё ближе, вон и стражники у входа заметили своего владыку и подобались. Еще немного и можно рухнуть в мягкую постель... и вообще не шевелиться, пока не принесут ужин!

– Большой Человек собирается на прогулку? – раздалось вдруг над самой моей головой.

Нет, это не привычный папановский бас Желтого Червяка. Голос был мягкий, но сочный; мужской, но не грубый. А самое главное – его слышал не только я. Сзади с глухим стуком на камень упало мое оружие, и Вапачиро изготовился защищать своего императора... путем уничтожения всего живого в округе. Ну, это я приукрасил. Мой телохранитель напрягся не сильнее обычного. Все-таки и он, и я уже слышали этот голос. Который раздавался из кроны ближайшего дерева, что нависала прямо над тропой. Удивительно, что даже Серый не смог разглядеть среди веток его владельца.

– Большой Человек, возьми на прогулку Сына Обезьяны! – снова заговорил невидимка с плохо скрытыми смешинками в голосе.

– Может, все-таки появишься, коли со мной разговариваешь? – бросил я во тьму.

Ветки зашелестели, мягко шлепнулся на камень какой-то перезревший плод – и прямо передо мной повис человек, зацепившись рукой и коленом за толстый сук. Был он не очень высоким, но сильная худоба создавала эффект долговязости. Мужчина (а он был уже совсем не юн) висел с таким комфортным видом, словно возлежал на диване. Его длинные, слегка коричневатые волосы были туго заплетены в косу, которая свисала вниз – и до земли ей не хватало всего полуметра! Древолаз широко улыбался, обнажая на удивление белые и ровные зубы: очевидно было, что он хотел попоказничать – и шалость его удалась!

– Ну, здравствуй, Сын Обезьяны! – криво усмехнулся я.

Похоже, в кровати я поваляюсь еще нескоро.

Разговоры в тени – 1

– Идет, Недоносок, – раздался в полной тишине шепот, полный страстной ненависти. – Идет, гад... А нет – почему-то остановился.

– Брат, умоляю, отойди от окошка! Не попадайся ему лишний раз на глаза!

– А я его не боюсь, сестрица! Пусть видит, мне-то что? Или ты не веришь?

– Верю, Шикальицеи... Это я боюсь... Страсть, как боюсь его!

– Еще бы. Такого уroda!

– Урода?

– А кто ж он! Посмотри только на его кривую иссохшую руку. Это явно какое-то проклятье злых духов. Выродок Утренней Звезды! Он явно одержим злыми духами, творит подлости – как же этого не замечают?

– Ты про убийство отца?

– Разумеется! И про унижения! Ну, ничего, ему воздастся. Он, глупец, думает, что ему всё сошло с рук. Что можно меня унижать, можно делать из меня проданного – и я это проглочу? Как бы не так, Недоносок... Я выжду удобный момент и прирежу тебя, как собаку!

– Тише, Шикаль... Тише, умоляю! Даже вслух этого не произноси! У стен тут уши, и Серый этот его вездесущ, за сотню шагов всё видит и слышит.

– Нет, Ийохали, я не буду молчать! Я не боюсь!!!

– Сам же говоришь, братец, что ты умный, что не выдашь себя, пока не выберешь удобный момент...

– Тихо ты!.. Да, надо скрываться. Надо притворяться. Но зато, как сладко будет смотреть в его полные ужаса глаза, ощущать его кровь на своих руках. Недоносок наверняка обделается от страха, когда я всажу ему нож...

– Да прекрати же, умоляю! Подумай, хотя бы, что после этого его люди сделают с тобой? Со всеми нами!

– А что сделают, Ийохали? Недоносок убил моего отца и захватил власть в Излучном. Я убью его – значит, Излучное снова мое.

– Ты... – женский голос стих в замешательстве. – Брат, ты посмотри: тут кругом его люди. Они верны ему. Неужели ты думаешь, что они простят тебя? И позволят править?

– Ночка!.. Хотя, ты права, сестра: Недоносок окружил себя такими же тварями без чести, как и он сам. Воистину, они все прокляты. Им нечего делать, кроме как держаться за своего уродливого владыку. Здесь его убивать нельзя. Надо подкараулить подлого убийцу за Аграбой. В Излучном или в полях.

– А что это изменит?

– Как что?! Там же кругом наши, излучинцы! Я их освобожу! Спасу их от Недоноска, Ночка!

– Братец... – снова пауза. – Но ты же видишь то же, что и я. Ты даже чаще меня из дому выходишь. Неужели не замечаешь, что происходит?

– Ты о чем?

– Я вот вчера на кухню ходила, как раз был день, когда там Ледяная Вода работала.

– Кто это?

– Вдова молодая, из Клювастых Крыс. Она постоянно меня едой какой-нибудь угощает. Мы разговорились. Вода всё выспрашивала, как владыка с нами себя ведет. Я говорю: никак. Не замечает даже. И своим трогать не велит...

– Ты к чему это всё? – оборвал девушку раздраженный голос.

– К тому, что она тоже многое говорила. Им нравится новый правитель, брат! Понимаешь, нравится! Говорит: он щедрый. Работы – много, за всё платит. Говорит: что пришел

мстить за нашего отца, а грабить не стал. Ее брат наш стобой дом от нападавших защищал, самолично руку на воинов владыки поднял – а его не казнили! Домой на ночь отпускают, а скоро совсем свободу вернут. Говорит: даже нас с тобой Сухая Рука пожалел...

– Заткнись! – хлесткий звук пощечины оборвал тихую речь. – Может, еще поблагодарить Недоноска за это?! Ноги ему целовать?

– Нет, брат... Прости!.. Это не я, это Ледяной Воды слова... Но... Ты же видишь... Им всем плевать на нас. На то, что убили отца нашего... Не нужно им, чтобы ты их спасал. А наш род весь угнали...

В темной комнате повисла тягостная тишина.

– Давай сбежим, Ийохали!

– Куда?!

– Куда угодно! На Великой еще много свободных четлан – неужели они не приютят нас? Неужели никто не постоит за честь великого вождя Иттанауки?

– Но мы в плену! Нам за пределы Аграбы запрещено выходить.

– Да брось! Ходим, где хочется! За мной еще наблюдают, а за тобой вообще присмотра нет! Когда Недоносек со своими бандитами ушел в горы, я спокойно в Излучное ходил. В крайнем случае, сможем ночью убежать...

– Через дом Сухой Руки? – ахнула девушка. – Там же Серый, у него чутье звериное...

– Да я эту крышу кривую несколькими ударами разломаю! Уйдем тихо и незаметно, стену еще не достроили, а, если что – можно и через горы. Есть тропочки. Пойдем, сестра!

– Но мама... Она уже вторую луну не встает. Мама ведь никуда не уйдет. А, если мы уйдем, а владыка ее за это прибьет?

– Старую женщину? Да ну!

– Ты же сам говоришь: он Недоносек. Проклятый. Ему зло творить в радость.

– Да нет... Раз до сих пор не убил, значит, зачем-то мы ему нужны... Да не убьет!

– Не знаю, зачем мы нужны Сухой Руке. А вот я маме нужна. Может, и не убьет, но кормить ее не станет, убирать за ней не будет. Как она без меня?

Долгая тишина.

– Шикальиenci... Ты беги один. Беги в Черное Урочище, хотя бы: наш отец дружил с их имачатой. Тебе здесь и впрямь оставаться опасно. Погубишь ты себя.

– А вы?

– А что мы? Ты же сам говоришь, не убьет нас Сухая Рука.

– А жить как будете?

– Ну, зачем спрашиваешь? До этого же звал бежать, не спрашивал! Просто беги! Мы справимся. Мне девушки с кухни помогают. Да и сама там смогу работать. Попрошу владыку...

– Не называй его так! – голос юноши взвился петухом и потух. – Нельзя тебе работать среди этих зверей... Нельзя мне вас оставлять. Недоносек проклятый! По рукам и ногам повязал! Хуже чем веревкой!

Глава 7. Господин Советник

– Ну, здравствуй, Сын Обезьяны!

Передо мной на дереве висел не абы кто, а господин советник! Уважаемый, можно сказать, человек... с физиономией нашкодившего ребенка.

Совет я в Излучном учредил вскоре после переезда Капибар. Но здесь сразу решил, что он не препоны мне ставить будет, как в Крыле, а помогать в управлении. Поэтому в этот Совет включал тех, кого хотел. Или без кого было никак. Поэтому, помимо трех родовых вождей, сюда вошли Ннака-казначей, два моих «генерала» и еще пара человек, что приехали из старой столицы. Но вскоре я понял, что необходимо пополнить этот орган власти еще одним человеком.

Дело в том, что в Излучном очень много безродов – сотни три точно. Как говорится: большая река чего только к берегу не прибывает. И, в отличие от Крыла, живут они тут достаточно компактно, дружно и не так плохо, как в старой столице. Рыбачат, промыслами занимаются, у кого-то даже есть небольшие огороды, отвоєванные у мангры. В общем, сила они тут, с которой как-то нужно считаться. Я бы и сам подыскал в Совет нужного представителя этой компании, но искать не пришлось. Был среди безродов человек, которого все они безоговорочно уважали.

Да, этот самый мужик, висевший сейчас передо мной на ветке. Я, кстати, не знаю: Сын Обезьяны – это настоящее имя или прозвище. В родах-то у четлан всё строго, если не помер до полового созревания – ступай к духу-покровителю, проходи инициацию, получай имя. А безроды на то и безроды, что родовых духов у них нет. Так что, в основном, их знают по прозвищам. Думаю, и здесь тот же случай. Ведь в самую первую нашу встречу новоиспеченный советник просто поверг меня в ступор, заявив, что люди – потомки обезьян.

Представляете?! Какой там Дарвин! Дикарь, висящий на дереве, решил, что похожесть людей и обезьян неслучайна.

«Ты видел пальчики на их маленьких ручках? – спрашивал он меня. – Словно дети в шерсти. Я думаю, это первые люди. Какими их сделали духи».

Я тогда так охренел, что сел рядом и стал заваливать вопросами странного безрода. Увы... Тот оказался не стихийным эволюционистом, а, скорее, наоборот. Раз, делая людей, духи сделали сначала обезьян, то они и были настоящими людьми. Лучшими. Правильными. А мы – научившиеся говорить, облысевшие, взявшие палки в руки – неправильные люди. Не развившиеся, а испорченные. Сын Обезьяны настолько был убежден в своей теории, что даже посвятил свою жизнь «исправлению» себя лично. Во-первых, подражая обезьянам, он стал веганом. Станным, правда. С одной стороны, мог позволить себе похавать червячков или личинок, с другой, не любил есть пищу с полей: маис, томаты, перец и прочее. Предпочитал лесную еду.

Он много времени проводил в лесу. У него даже дома своего в Излучном не было. Подражал обезьянам во всем. И, конечно, новоиспеченный Советник, обожал лазать по деревьям! Делал он это мастерски, вызывая восторги детворы и недоумение взрослых. Говорят, этот человек мог передвигаться на большие расстояния, вообще не спускаясь на землю.

Так что Сын Обезьяны – это, скорее всего, прозвище. И сам безрод носил его с гордостью.

Помню, как после знакомства с этим странным типом, я сразу вызвал к себе Мацхатлу и начал допрос: что это за человек, да с чем его едят?

– Он безрод, хоть, и родился в Излучном, – ответил мой отзывчивый осведомитель. – Рассказывают, что его отец был говорящий с духами.

– Жрец, что ли?

– Нет, обычный охотник. Тоже торчал в лесу постоянно. Молчаливый был. А, если заговаривал, то непонятное нёс. Сын Обезьяны всё время за ним хвостиком волочился. Пока тот не помер. Мальчишке тогда и десяти лет не было.

– А мать? – осторожно спросил я, ожидая какую-нибудь трагедию из категории «умерла при родах».

– Мать его до сих пор жива. Она с тем охотником приبلудила ребенка. А когда родила – бросила сразу. Обоих их видеть не желала. Говорящий с духами сам Сына Обезьяны воспитал.

– Надо же какой отец заботливый!

– Там, говорят, по-разному было. То забудет его в селении на два дня – маленького совсем, то с рук не спускает по нескольку дней. Петь ему любил. Что-то свое, непонятное. А учить ничему не учил. Даже не бил ни разу. Но меня тогда здесь не было, я лишь с чужих слов знаю, владыка.

– А сейчас? Почему безроды его слушаются?

Я, действительно, не понимал, в чем корень авторитета Сына Обезьяны. Он был беден, за ним не стояла физическая сила, у него не было большой родни, не было и традиционной опоры власти. Но я уже от многих безродов слышал: надо спросить у Сына Обезьяны, а что скажет Сын Обезьяны...

– Многие верят, что его защищают странные духи отца, – пожал плечами Мацихатла. – Вроде бы, как тот перед смертью поручил сына их заботе. И слушают его. Сын Обезьяны иногда судит людей в спорах. Но не во всех, а лишь, когда его зовут сами спорщики. Считается, что он мудро судит. Хоть порой и не по четланскому обычаю. Доверяют ему: говорят, что он ничьих тайн не выдает и не врет.

– А это правда?

– Да уж, не знаю... Может, просто скрывает умело.

Я обратил внимание, что Мацихатла, говоря об отношении безродов к Сыну Обезьяны, сам этого отношения не разделяет. Непроизвольно держит себя особнячком от общей массы – это прослеживалось в речи.

– А ты-то, Мацихатла, как считаешь: защищают его духи? – прямо спросил я.

Мой осведомитель поежился.

– Кажется, да. Не знаю, что это за духи, но защита у него сильная. Кого другого за шутки глупые, за жизнь беспутную, за нарушение обычаев уже давно покарала бы. Не люди, так боги.

Недолюбливал Мацихатла Сына Обезьяны, хоть, старался это скрыть. И почему-то это мне понравилось.

– Если этот человек отдаст приказ безродам – они послушаются? – задал я краугольный вопрос.

– Не знаю, – задумался Мацихатла. – Может быть, они его потому и слушаются, что он не отдает никаких приказов. Я знаю точно: ни один безрод в Излучном ни за что на охоте не убьет обезьяну. Но Сын Обезьяны никогда этого не запрещал.

Я долго размышлял над услышанным, сопоставлял с другими «показаниями». И, в конце концов, пришел к выводу, что передо мной уникальный случай социально-свободного человека. С каким-то своим индивидуальным Супер-Эго. Судя по описаниям отца-охотника, тот страдал каким-то психическим расстройством развития, возможно, первазивным. Аутизм, синдром Аспергера или вообще олигофрения или синдром Дауна. Потому и выживал в одиночку, как дикий охотник, мало с людьми общался. И женщина с ним жить не захотела. Он явно сам не понимал многих нюансов четланского общежития и сыну их не передал. Заботиться о мальчишке толком не умел, зато любил, похоже, по-настоящему. Вот и вырос Сын Обезьяны в особой атмосфере: без запретов, без табу, без вечных подзатыльников, которые требуют безусловного подчинения правилам жизни. Конечно, жизнь заставила потом всё это изучить... Но главное – все эти правила и обычаи не ввелись в его плоть и кровь! Он смотрел на четланский

образ жизни, имея совершенно уникальный Высший Закон в голове. Свои идеалы и принципы. Мог сравнивать, оценивать, принимать совершенно неожиданные решения, отвергать глупое и так далее.

В нем не было четланской социальной программы, он был свободен. Потому и чудил, чем постоянно удивлял местных. Потому и ориентировался больше на обезьян, чем на людей. А любовь отца сделала его добрым и отзывчивым. Может быть, поэтому парень, в свое время, и не стал изгоем. Отверженным... И байка про духов, конечно, помогла! Хотя: кто знает, что здесь причина, а что следствие? Возможно, легенда про духов появилась уже после того, как Сын Обезьяны получил поддержку и любовь безродов. И придумали ее какие-то мацихатлы, не понимавшие, в чем сила этого странного человека.

Я с радостью ввел его в Совет, радуясь, что получил два в одном. Сын Обезьяны не только безродов будет представлять, но и сможет поставлять мне оригинальные идеи. Которых я не дождусь от прочих четлан. Что греха таить: трудно было найти даже тех, кто мог воспринимать мои идеи. А уж генерировать свои... Такие пока не попадались.

Пару раз мы беседовали. Конечно, разные мы люди. Почти маниакальное стремление Сына Обезьяны стать ближе к природе, отказаться от всех благ цивилизации – было мне совершенно не близко. Я наоборот ежедневно страдал от острой нехватки этих благ! Ужасно страдал и все силы тратил на их увеличение. Кроме того, безродом было невозможно управлять. Объявишь ему: завтра Совет, приходи, будем важные вопросы решать. И уже на совещании узнаешь, что Сыну Обезьяны вздумалось побродить по лесу – и тот загулял дня на три, забив на жизнь «империи» свой обезьяний болт.

Но зато с ним всегда было интересно! Пользы большой я не поимел, но удовольствия было много. Потому что необычно. Вот, например, он упорно не называл меня владыкой. Вместо этого говорил «большой человек». Я поначалу проявлял недовольство, поправлял... Но в первых, это оказалось бесполезным, а во-вторых, говорил он все-таки с искренним уважением. Хотя, для него даже очень большой человек безгранично ниже обезьяны. И ее сына.

... – Так что насчет прогулки, Большой Человек? – господин советник висел передо мной на толстой ветке, почесывая бок свободной рукой, и улыбался.

– А куда это я, по-твоему, собрался прогуляться, Сын Обезьяны? – с прищуром спросил я.

Ну, не мог же он знать, на самом деле! Никто еще не знает.

– Не ведаю, Большой Человек. Тем интереснее! Пойти туда, куда не знаешь.

– Тогда, может быть, я никуда и не собираюсь идти гулять? А тебе пригрезилось это. А?

– Пригрезилось? Пригрезилось, что я пообещал принести дубильной коры Голому Дереву? Пригрезилось, что спросил у Голого Дерева, с чего этого он стал дубить кожу, ведь все знают, что тот всегда резал кость и рог? Пригрезилось, что Голое Дерево раскраснелся, как девушка на вечерних посиделках, и рассказал мне, что делает особое одеяние для самогО Большого Человека?

Сын Обезьяны посмотрел в небеса, прикрытые листвой.

– Нет, вы слышали, сколько мне всего пригрезилось!

– А ты видел то «особое одеяние»? – нахмурился я.

– О нет! Голое Дерево шлепал себя по губам и настрого велел Сыну Обезьяны даже забыть о том, чтобы посмотреть. Хотя, я очень просил. Но смотреть ведь необязательно, да! Раз уж Большой Человек захотел себе особое одеяние, значит, собрался он пойти в гости. В особые гости!

Сын Обезьяны, наконец, спрыгнул с ветки и встал передо мной – легкий, гибкий и улыбающийся.

– Возьми меня с собой!

Да уж. Не ожидал я, что таким неожиданным путем вскроются мои планы. Ведь никому ни словечка! Тянул до последнего, чтобы сплетни не расползлись. А тут волосатый «гринписовец» хакнул мои планы, поболтав с каким-то безродом.

Я действительно собирался в гости. К Ицкагани, хозяину Черного Урочища.

Глава 8. Пыль в глаза

Так уж вышло, что между Излучным и Черным Урочищем расстояния – тьфу да маленько. Река Великая возле моей новой столицы резко изгибается и начинает течь на юго-запад (от того и Излучное). Садись на лодку – и за четыре-пять часов доплываешь до владений Ицкагани. Обрато немного подольше, все-таки вверх по течению. Но всё равно: слишком близко мы находились друг от друга. Пугающе близко.

Каждый день, приступая к работе, я с тревогой оглядывался на юго-запад: не ползет ли оттуда какая-то опасность? Неведение и постоянный нервоз угнетали меня со страшной силой. Я знал, что Ицкагани – некоронованный король всех четлан, что поселились на Великой. У него не было прав провозглашать себя владыкой, но власть его (до недавних пор) была более тверда, чем моя. Ворвавшись в Излучное, а затем осев там, я каждый день одним своим присутствием разрушаю эту власть.

Увы, разрубить гордиев узел одним ударом я не мог – некий «торговец» Шоануап намекнул мне на это прозрачно, но весьма однозначно. Приходилось терпеть. Только вот и Ицкагани тоже приходится терпеть. И мое присутствие тяготит его, наверное, сильнее, чем меня – его.

Вдруг не вытерпит?

Я же ничего не знаю о нем. Ни как о человеке, ни как о правителе. Никто толком о нем не рассказывает. Местные старательно ругают, чтобы владыка не прогневался, мои люди из Крыла «не в материале». Даже Мацихатла, обычно такой словоохотливый, тут стушевался, сказал, что в Урочище особо не задерживался и сказать ему нечего.

Нужны разведанные. О силах Ицкагани, о настрое, о планах. Чтобы понимать, к чему готовиться. И чем дольше я об этом думал, тем яснее понимал: доверить это дело некому. Не так много людей, кому я смогу довериться, а среди них нет тех, кто бы обладал нужными навыками. Если честно, я даже подумывал именно о Сыне Обезьяны с его нестандартным мышлением, но поступки этого парня предсказать было трудно – что он там выкинет? Я так рисковать не мог.

Поэтому в «логово зверя» должен был идти я сам.

И сказать, что от этой мысли мне было не по себе – значило ничего не сказать! Даже хотелось, чтобы меня отговорили, но разведывательные планы требуют тишины. Так что единственное существо, которому я решил озвучить свои планы, был Желтый Червяк. Который не то, чтобы не стал меня отговаривать – он оказался в восторге от идеи!

Ну, и какое ты после этого подсознание!

– Сухоруков, это же гениально! Я не знаю насчет разведанных, но ты сможешь провести просто гениальное мероприятие по дезинформации!

– В смысле?

– Устроить шоу. Вспомни, с чего ты начал здесь, в этом мире?

– Язык учил?

– Нет. Ты прикинулся покорным дебилом! Едва только понял, за кого тебя во дворце держат: лапки по-беличьи сложил, бровки домиком возвел, со всеми соглашался. Терпила первостатейная вышла! И что в итоге? – хрипло спросил Золотой Змей Земли и сам же ответил. – А в итоге они все расслабили булки и дали тебе время. Чем ты, при моей незаменимой помощи, и воспользовался. Теперь у нас новые враги. Значит, что надо делать?

– Прикинуться дебилом? – хмыкнул я.

– Не надо иронизировать! Не надо! – закатил невидимые глаза Червяк. – А то я подумую, что ты не притворяешься дебилом, а оно самое и есть. Два раза в одну реку не войдешь. Нам нужно сделать так, чтобы, увидев тебя, Ицкагани и все остальные решили: блин, да чего нам этого парня бояться! Да ему же просто повезло!

Я задумался. Идея хорошая. Даже очень. Мне действительно не мешает расслабить булки у новых врагов. Чтобы выиграть время и упрочить свое положение. Значит, что они должны увидеть? Не хитрого интригана, не сурового бойца. Я должен стать Иванушкой-дурачком – поверхностным, недалеким, которому повезло ухватить перо жар-птицы. Эдакий Хлестаков без трусов, да с пером в... волосах.

– И как им это показать?

– Ну дак это ты у нас психолог. Давай – рисуй!

– Хорошо... – я начал набрасывать портрет. – Понятно, что это не особо умный человек. Неспособный критически мыслить. Особенно, по отношению к себе. А потому хвастун, любит себя хвалить, не любит критику в свой адрес. Раз с Излучным ему повезло – это вообще парню снесло башню. Считает себя победителем всех на свете, глядит свысока, а потому по-барски добродушен, щедр. Мир для него прост и черно-бел: то, что ему не нравится – плохое, а что нравится – хорошее. Постоянно старается привлекать к себе внимание: и поведением и внешними признаками. Чтоб, значит, сразу все видели, какой он герой. Бестактен, неосторожен...

– Только вот тебе надо быть очень осторожным, – осадил мои фантазии Червяк. – Главное, не переборщить. А так всё верно – работай!

И я начал работать. Не столько над образом, сколько над тем, как засунуть пасть в голову ягуара и вытащить ее оттуда целой. Для начала мне нужен надежный тыл. Я даже не хотел думать о том, чтобы ехать в Черное Урочище, пока у меня не появятся сильное войско и надежная крепость. Во многом, ради этого учения и проводились. Что ж, убедился: войско есть. Да и крепость в общих чертах готова.

«Но надо еще подождать! – скулил ссыкун в моей голове. – Войско до двух сотен не довел, стену не достроил».

Я бы его послушался. Но... Но каждое утро я просыпался и с тревогой смотрел на юго-запад... Неведение было еще страшнее. И только нарастало. Надо ехать!

Я собрал совет и огорошил всех новым указом: обоим воинствам следует поплыть вниз по реке Великой. На вопросы «Куда? Зачем?» ответил по-военному: от забора и до обеда. В смысле сказал, что плыть будем до заката, после чего переночуем на берегу и поплывем обратно. Объяснил, что это еще одни учения. На самом же деле, цель была иная: устроить Черное Урочище. К самому Ицкагани я пойду с небольшой группой, чтобы не принял это за вторжение и не поубивал нас с перепуга. Но перед этим я покажу ему всю свою мощь, чтобы дикарь не вздумал напасть на мой маленький отряд. Мол, ты видел армаду недавно? Вот она у тебя всё сровняет, если чо.

В поход пошли все. Я велел оставить в Излучном по пятерке черных и золотых, зато обязал все три рода выставить по двадцать человек, пусть даже безоружных. Более двух сотен людей расселись в почти полсотни лодок – и мы поплыли. «Император» в моем лице сам сел за весло. И поверьте, это не от безумной храбрости: просто среди войска было безопаснее, нежели в опустевшем селении.

По правому берегу несколько часов шла почти безлесая крутая гора, которая резко осела, и перед нашим взором возникло Черное Урочище: метров пятьсот чистого, ровного берега. Черное Урочище – это долина маленькой речушки, которая она уходит глубоко в горы. Мы же видели только малую часть.

Весь берег был чистым, без зарослей, утыканный лодочками, хижинами, какими-то вешалами. Люди заметили нас, закричали, засуетились...

– Помашите им руками, – скомандовал я ближайшим соседям.

Приказ пошел дальше по лодкам, мои воины принялись махать руками, маками, копьями, кто-то даже заулюлюкал... Вряд ли это успокоило местных. Но мы прошли мимо, так что, надеюсь, до инфаркта ребят не довели. Остальной путь завершился благополучно. До ночи мы

встретили еще одно – совсем махонькое – сельцо (вот те точно обделались от ужаса), переночевали на чистом берегу и вернулись домой.

А я собрал новый Совет.

– К Ицкагани поеду! – огорошил всех сходу. – Будем отношения выстраивать с соседями.

– Я с тобой! – прозвучало хором, потому что Черный Хвост и Глыба встали практически одновременно.

– Нет, – осадил я обоих. – Я возьму совсем немного людей. Чтобы Ицкагани не испугался. А, если тебя, Прекрасная Слеза, даже одного взять – нам побоятся двери открыть – так ты грозен. Черный Хвост, ты тоже должен остаться в Излучном – мне здесь нужен надежный тыл, и войско, готовое прийти на помощь. Каждый из вас пусть подберет мне лучших бойцов: пятерых золотых и троих черных.

– Почему троих? – вскинулся Хвост.

– В доспехах черных пойдут Вапачиро, чтобы не бросался в глаза, и Сын Обезьяны.

Безрод услышал свое имя, вскинул на меня глаза и радостно запел, что-то бессвязное, без слов (от отца что ли успел перенять?).

– Славный владыка, умоляю, возьми и меня с собой! – вдруг подскочил ко мне Мацихатла.

Он в Совет не входил, но иногда приходил со мной, как свита. Как тень.

Я с удивлением посмотрел на столь неожиданное рвение.

– Взять тебя? А зачем?

– Буду тебе полезен, – как-то неуверенно пояснил свое желание мой осведомитель.

– Не знаю... Ты ведь сам говорил, что толком не бывал в Черном Урочище. Чем ты сможешь помочь? – Мацихатла молчал. – Нет, оставайся здесь. Будешь помогать Ннаке, следить за работами в Аграбе.

– Пожалуй, я с тобой поеду.

А это уже Шитайа. Чего это они все сегодня? Хотя, делегация с вождем будет выглядеть более представительно. А, если с нами что-нибудь случится, то и Капибары займут зуб на Ицкагани.

– Хорошо, поедем вместе. Значит, три лодки понадобятся. Возьми пару гребцов, они заодно дары понесут. Ннака, кстати, подбери подарков! Так, чтобы была видна моя щедрость, но не казалось, будто я подлизываюсь.

– Перьев напихать? – понимающе уточнил оцколи (он уже хорошо знал о моем пренебрежении к украшениям из перьев, которые так ценились у индейцев).

– Ага, и бижутерии, – это я имел в виду украшения из поделочных камней. – Только медь не трогай!

...Три лодки в Черном Урочище встретили намного спокойнее. Мы вышли на сухую гальку, отряхнулись, а к нам даже никто особо не спешил. Куда идти-то? Вапачиро выхватил какого-то зеваку и озвучил мой вопрос. Четланин ошалело глянул на меня, потом на мою калечную руку – узнал и напрочь потерял дар речи. Только рукой замахал куда-то вглубь Урочища. Пока я недоуменно озирался, выяснилось, что пропал Сын Обезьяны.

«А может, ну его? – возбудился ссыкун в моей голове. – Поехали домой! Не нравится мне здесь!».

Пока я запихивал этот голос в самое подходящее ему место, из-за хижин появился пропавший безрод. В сопровождении целого отряда с копьями и топорами. Мои люди невольно ухватились за свое оружие.

– Вот, Большой Человек! – улыбнулся Сын Обезьяны. – Они проводят нас.

И нас повели.

Оказывается, я не понимал, что такое Черное Урочище. Думал: название селения. Ан нет. Это была широкая долина среди темных скал глубиной в несколько километров. И вся она

была заселена! Четлане здесь не жили компактно. То тут, то там стояли группы строений, всё это перемежалось огородами, полями, птичниками, сараями – не видно было границы между поселениями, они плавно перетекали друг в друга; лишь кое-где еще сохранялись маленькие рощицы. Полноводные ручьи наполняли долину влагой, здесь всё бурно росло и цвело.

По словам провожатых, дом Ицкагани располагался на северной окраине урочища, там, где сливались воедино два самых полноводных ручья. Мы шли около часа, и я понял, что в Черном Урочище живет гораздо больше народу, чем в Излучном. И даже больше, чем в Крыле. Теперь мне стало более понятно, почему именно местные имачаты заполучили себе столько авторитета на Великой. Это была богатая земля. Способная прокормить тысяч пять-шесть – еще и на экспорт продукты останутся. Отдельные общины селились тут так тесно, что вскоре «слиплись» под руководством одного правителя. А поскольку рука владыки сюда не дотягивалась – то стали имачаты Черного Урочища расширять свою власть по реке Великой. Мы шли на север, а мною овладевала робость. На тот ли кусок я рот зазеваю? Не лопнет ли пасть?

– Воон дом имачаты Ицкагани! – гордо махнул рукой старший из провожатых.

На небольшой возвышенности, в треугольнике двух сливающихся ручьев стоял целый комплекс. Не меньше десятка разнокалиберных строений, окруженных крепким глинобитным забором (примерно таким же, как вокруг дома Носача). Всюду сновали люди, которые непрерывно делали какую-то свою обыденную работу. Там не было столь монументального здания, как мой дворец, но само хозяйство казалось просто огромным.

Ну как тут изображать наглого и дерзкого мальчишку, который полон чувства собственного превосходства? Для этого надо ведь какое-то превосходство на самом деле ощущать. А я его напрочь утратил...

А ведь так готовился! Даже костюм этот, по которому меня вычислил Сын Обезьяны, заказал. Костюм, конечно, был одно название. В один прекрасный момент я решил, что самолюбленный Недоносок должен культивировать в себе героя-богатыря. Раз уж он победил Носача, завоевал Излучное – то себя должен ощущать супервоином. И пришло мне в голову закосплеить Конана-варвара: короткая кожаная юбка, широкий пояс, ремни через всё тело, подчеркивающие мышцы. Мышцы кое-какие уже были, а вот с ремнями вышла заковырочка – ничего подобного четлане не носили. Были у них веревочные или матерчатые пояса, но не более. И я понял почему: нет пряжек. И сделать их не из чего.

Тут-то и решил я обратиться к местному мастеру по обработке кости и рога. Долго объяснял Голому Дереву, чего хочу, и, когда тот, наконец, понял, то загорелся. Сам сделал пряжки, сам достал кожу, кроил ее и сшивал. Идея с ремнями, с перевязями захватила его, он быстро понял, как удобно будет с их помощью развешивать по телу грузы, инструменты, уже начал додумывать разные способы крепления. Пришлось даже унять его фантазию и заставить сконцентрироваться на косплее. Ремни оплетали мой торс во всех направлениях, на левом плече плотно держался трехслойный наплечник, в петлях пояса удобно висели нож и боевая кирка. Со стороны я себя не видел, но Голое Дерево довольно цокал языком.

Костюм, на самом деле, играет большую роль в самоутверждении. Костюм это наша ролевая маска, которая помогает нам встроиться в определенную роль. Помните, как трудно нажраться вхлам, если ты в деловом костюме. Или чувствовать себя уверенным, если стоишь в одних трусах перед одетым человеком. Маска имеет силу!

Вот и мне так казалось, когда я плыл в Черное Урочище. Теперь же почувствовал себя клоуном.

«Надо настроиться!» – скомандовал я себе. Опустил глаза, заставил забыть по всё окружающее и сконцентрировался на дыхательной гимнастике. Полное сосредоточение. Шел среди своих людей на полуавтомате и заставлял себя вспоминать сцены из «Ревизора», в которых

Хлестаков распускал хвост перед провинциальными чиновниками. Если честно, так ушел в себя, что даже вздрогнул, когда Шитайа толкнул меня локтем в бок:

– Ицкагани, владыка!

Поднял глаза. Мы уже стояли на подворье перед большим кирпичным домом. У широкого входа нас встречали человек семь. Который из них Ицкагани – угадать нетрудно. Вон он: не низкий – не высокий, не толстый – не худой, не молодой – не старый. В целом, невзрачный мужик, но в богатейшем большом плаще, который плотно запахнул, что твой байроновский герой. И такое величие он из себя излучал!!! Хоть рукой черпай и обмазывайся. Похоже, Ицкагани тоже захотел меня поразить. На такое величие равным не ответишь. Ну, так я его просто сломаю. Смехом!

«Какой еще Ицкагани? Да меня сам Государственный Совет боится! Я с Пушкиным на короткой ноге!»

– Где Ицкагани? – театральным шепотом спросил я своего вождя. – Вон тот? В плаще? – и уже во всю глотку. – Да ладно?! Сам!

Я раздвинул рукой своих людей и, распахнув улыбку во всю морду, широко шагнул вперед.

– Ну, здорова, имачата! Будем знакомы!

«Только широкие жесты, только громкий голос, – зудело в моей голове. – Это повадки хозяина».

Распахнув объятия (как мог), я ломанулся прямо на Ицкагани. Владыка полез обниматься с враждебным вождём!!! Оторопели все, Сын Обезьяны в экстазе едва не рухнул в обморок. Местные вздрогнули, отшагнули, крепче стиснули копыя в руках.

Не переборщить бы... Я замер на полшаге. Лениво так махнул рукой: мол, чего это я? И захохотал (надеюсь, натурально).

– Уж месяц соседствуем, а всё не виделись! Ну как так, а? Не заходишь. А мне все уши прожужжали: Ицкагани то, Ицкагани сё! Даже интересно стало, что тут у меня за имачата такой замечательный. Ну, думаю: у меня ноги длинные – сам дойду. Принимай гостей, имачата!

Ицкагани слегка оправился от шока, снова запахнул дорогой плащ и степенно произнес:

– Прошу: будь моим гостем, Хуакумитла Сухая Рука! – и поманил внутрь здания.

Я проигнорировал то, что меня не назвали владыкой, и с детским любопытством на лице ринулся в проход, опережая местного князька. За моей спиной был Вапачиро – чего бояться!

Зал большой, почти как мой тронный. Только много окон, много света, и вокруг циновки да подушки раскиданы. Что они все-таки за люди, четлане! Вроде не совсем дикари и в ремеслах искусны – но полностью отрицают мебель! Всю жизнь на полу проводят.

– Дорогой гость! Познакомься с моим отцом.

С высокого постамента прямо мне лицо пустыми глазницами пялился расписной череп. И беззвучно скалился черными зубами.

Глава 9. Ничего личного – просто бизнес

Не понял! Я замер перед алтарем с черепушкой. Похоронные обряды четлан мне были смутно знакомы. В основном, они своих покойников сжигали в позе плода, глядящих на восток. Потом кости собирали и закапывали прямо в доме, подле очага. Богатые закапывали в специальных сосудах, бедняки заворачивали в тряпки или циновки. Совсем бедные, кстати, могли закапывать только черепа – места не было. Были еще отдельные группы мертвяков – например, те, кто умирал на закате или на рассвете – которых в доме хоронить нельзя. Кости увозили в специальное место, утыканное каменными столбами-охранителями. А детей, не доживших до посвящения и беременных женщин, не сумевших разродиться, вообще не сжигали. В Крыле их забирали жрецы и уносили в потайную пещеру.

Но про расписные черепа на алтарях не слышал. И ведь не спросить никого: что делать? В пол кланяться или на ересь злиться? Оставалось только гнать дурку дальше.

– А как звать отца? – бросил я через плечо. – Сам-то он, поди, не представится.

Ицкагани напрягся – видимо, я повел себя грубовато – но ответил:

– Великий имачата, хранитель Черного Урочища, Охотник За Вторым Солнцем!

– Приветствую, Охотник, – коротко поприветствовал я черепушку (а что, меня вон тоже владыкой не называли!). – Здоровья желать не стану, но процветания и мира дому твоему – желаю от всей души!

Череп был отполирован добела. Глазницы его аккуратно обвели охрой, а зубы тщательно зачернили. На макушке аккуратно вывели символы восходящего и заходящего солнца. Сам череп покоился на яркой подстилке из перьев и лепестков.

– Охотник За Вторым Солнцем создал это Урочище. Он привечал и заботился о многих беглецах, что прибывали сюда, сделал это место богатым и процветающим, – нараспев начал рассказывать Ицкагани то, о чем я не спрашивал.

Надо снова сбивать его с привычных рельсов.

– Я же к тебе с подарками, имачата! – громогласно оборвал я вождя. – Ну-ка несите корзины!

Сорвал с одной из них крышку, запустил внутрь левую руку и небрежно загреб пачку перьев.

– Вот! Смотри, какие перышки! Красивые! Можешь, отцу своего, как его там, подстелить. Дарю! – и я с улыбкой протянул руку с дарами прямо под нос Ицкагани.

Перья хрустели и мялись в моей пятерне. Пауза затянулась. Но я упрямо не отпускал руку. Имачата, наконец, распахнул плащ и неуверенно принял подавленные перья. Поклонился слегка. Все-таки на фоне меня он был плюгавеньким. Но зато с двумя руками...

– Там еще есть! – небрежно махнул я на корзину. – Чего для соседа подарки жалеть, верно?

Я, конечно, не намекаю... Но князек всё правильно понял. Что-то шепнул своим придворным – и те пошуршали мне ответные подарки собирать. Наверняка захочет меня переплюнуть в этом! А я и не возражаю. Главное, что Ицкагани, судя по его бегающим глазам, еще не решил: подарками меня одаривать или на копье насадить. В зале народу было не так много, так что имачата подавится своим желанием: здесь десяток моих лучших бойцов во главе с Серым. Уж мы им кровушку пустим! Но вот пробиться до реки... Там, чуток выше по течению, затаился Черный Хвост с сотней черных и золотых. Уж он на выручку придет – успеть бы дать сигнал...

Ладно, пока рассчитываем на мирный исход. Играем дальше!

– Где мне сесть-то? – развел я широко руки, насколько, конечно, позволяла правая «кочерыжка».

Ицкагани показал мне на самые нарядные циновки. Я ловко подхватил одной рукой сразу три подушки, лежавшие в разных местах, бросил их на указанную циновку и развалился с комфортом.

– Хороший у тебя дворец, имачата! – я вальяжно потянулся. – Вот, думаю в Излучном тоже себе построить. Побольше, конечно! Народишко сейчас кирпичи стряпает, думаю, за зиму сделаю.

Больше хвастовства! Но дело не только в этом: наверняка до Черного Урочища доходили слухи о строительной движухе в Излучном. Так пусть думают, что я себе дворец строю, а не домик Наф-Нафа (который должен быть крепостью).

Мы поболтали о светских мелочах: как урожай, как торговля, как дела в семье да какая зима ожидается. Ицкагани слегка успокоился и потихоньку пытался выведать у меня мои стратегические планы. Я с радостью «раскальвался»: рассказывал о том, какие хоромы себе отгрохаю в Излучном. В деталях описывал, как гениально я уже «придумал» спать в кровати, сидеть на стуле, есть за столом. Как еще много чего придумаю – и всё гениальное. Грозился собрать войско и прижать, наконец, разбойников-оцколи; как изойду вдоль и поперек все горы, наберу пленников, продам торговцам и заживу богачом! Даже Ицкагани с собой в походы позвал, заверял, что добычей не обижу – я, мол, человек щедрый. Настойчиво звал, чтобы поверил князек, что меня долина Великой не интересуется, я в горах геройствовать мечтаю. Пусть надеется, что я там загнусь от шального копья. И не переживает за свои владения.

– Говорили мне, – вдруг сменил тему имачата. – Что ты держишь у себя семью Иттанауки. Вот это да! Чего это он заинтересовался?

– Есть такие! – гордо ответил я. – Я владыка великодушный, к бабам и детям зла не питаю. Пусть живут, раз уж есть.

– Я был знаком с покойным, – тщательно подбирая слова, продолжил Ицкагани. – И хотел бы поддержать его семью. Если тебе эти люди в тягость – отпусти их ко мне.

– Да ну, зачем! – беспечно махнул я рукой (хотя, в голове аж закипело: ну, ничего себе ты ушлый парень!). – Я как считаю: где родился – там и живи! Чего-чего, а ума-то мне не отнять!

– Но ведь сам ты живешь не там, где родился? – с легкой улыбкой спросил хозяин.

А вот это был уже весьма непрозрачный намек. Я смотрел на Ицкагани и пытался понять: он все-таки решил, что я простак и не понимаю скрытого смысла, или не купился на мою маску и провоцирует?

Пауза затягивалась. Я решил играть дальше, рассмеялся и небрежно так бросил:

– Неправ ты, имачата! Я владыка. Везде, где живут четлане – там мой дом.

Вот так. Если мы играем в намеки, то слови ответочку. Здесь, в Черном Урочище тоже четлане живут, если что!

Не знаю, что на самом деле думал Ицкагани, но беседа наша потихоньку стихла. Мои люди приняли ответные дары, я поднялся с подушек и громогласно заявил, что хочу домой. Ицкагани со свитой, конечно, пошли провожать. Уже на ступенях я обернулся и, как бы невзначай, бросил:

– Ты мне подати пока не шли. Уже в следующем году, после сбора урожая, сочтемся, – и пошел.

Если быть до конца честным – только ради этой фразы я и поехал сюда. Готовил ее не один день, выверял каждое слово, чтобы до местного князька дошел именно тот месседж, который мне нужен. Сейчас мы шли к Великой, а спина моя была ледяной и ждала удара копья... Но, если Ицкагани сейчас стерпит, то всё будет именно так, как мне хочется.

...

Спина осталась целой.

И сейчас имачата в волнении расхаживает по своему дому, рассуждая о словах простака. Этот наглый, недалекий (если я сыграл правильно) Недоносок после одной случайной победы

возомнил себя хозяином всех окрестных земель. Он настолько упивается своим величием, что даже предупреждение пурепеча ему не указ! Значит, враги. Но! Но у умного Ицкагани (конечно, он считал себя умным) есть время. Недоносок собирается обставлять себя роскошью, бегать по горам за горцами. Он уверен, что местные четлане и так ему подчиняются. И только в конце будущего лета он поймет, что Черное Урочище ему никаких податей не пришлет. А до тех пор простака можно водить за нос.

Я молился всем богам, включая Желтого Червяка, чтобы мой враг подумал именно так. Чтобы уверился, что я простака, и что у него есть время до сбора урожая. И тогда это же время появится у меня. До конца лета я смогу спокойно укреплять свою власть, и не смотреть каждое утро с тревогой на юго-запад.

Вот и берег Великой; наши лодочки стоят на месте. Мы загрузили на них дары, сели сами, отчалили – и только тут я выдохнул. Так расслабился, что буквально стек на дно лодки. Мои люди гребли изо всех сил, стремясь соединиться с людьми Черного Хвоста – напряжение и чувство опасности передалось всем. Только на второй лодке в приступе смеха закатывался Сын Обезьяны.

– Вот это прогулка! – с ликованием говорил он и пихал локтем соседних гребцов.

Уже в Излучном советник-«гринписовец» благодарил меня за прекрасный день, за чудесную прогулку.

– Ну, скажи мне, Большой Человек: кто был в тебе? Там, в Черном Урочище. А много в тебе – других?

Прямо непраздно так интересовался. Моя маска простака-хвостуна для Сына Обезьяны была отдельной личностью, которую я, видимо, прячу внутри себя. И, возможно, не его одного. И эти спрятанные люди были ему чертовски интересны. Может, нечто подобное было у его девиантного отца?

Я отбрехался, как мог, и с подрагивающими конечностями побрел домой. Спать! Даже вечернюю планерку не стал проводить. Завтра узнаю, как работа без меня шла.

И уже на следующий день собрал новый Совет. Совсем маленький. Скорее, я просто позвал к себе пообедать Черного Хвоста и Мясо. Ну, и Вапачиро был с нами – куда без него. Я собрал людей, которым доверял безоговорочно, для того, чтобы поговорить на самые сокровенные вещи.

– То, что я скажу вам, не должен узнать никто! Поклянитесь Змеем, что будете молчать, – потребовал я, когда наши миски опустели.

Затем сделал краткий доклад о поездке, с выводами.

– Можно уверенно сказать, что Ицкагани – наш главный враг. Он не показывает свое истинное лицо, но он точно не собирается подчиняться мне и даже делить власть со мной.

– Казнить! – хлопнул рукой Хвост. – Разорить его дом.

– Если честно, не уверен, что у нас есть на это силы, – вздохнул я. – Не ожидал я, что Черное Урочище такое обширное и богатое. Возможно, хитрым ударом мы сможем прикончить Ицкагани. Но сможем ли удержать потом Урочище? Не уверен.

А потом я рассказал друзьям о загадочном торговце Шоануапе и о запрете, который тот мне передал от имени северного властителя народа пурепеча.

– Пурепеча? – ошарашенно выдохнул мой воинский предводитель.

Дикий горец Ннака об этих товарищах знал поменьше моего. А вот Хвост слышал.

– Их владыка – сын Солнца, – начал он пересказывать мне слышанное ранее. – Боги перепеча сильны, они подарили их правителю победы над всеми соседями. Оружие их разит без промаха, воины их полны ярости. Говорят, они могут выставить даже восемь тысяч человек!

Я ухватился было за столь конкретную цифру, но потом вспомнил о двадцатичной системе счета. У четлан круглыми числами были не 10 и 100, а 20 и 400 (20 раз по 20). Соответственно, следующее круглое число – 8000 (20 раз по 400). В языке Черного Хвоста 8000 –

это просто огромное число. Как на Руси говорили «тьма»: формально это 10 000, но на деле могло означать любое количество. Вот и «8000» в устах моего военачальника могло означать, как 5-6 тысяч, так и 20-30 тысяч. Так что за разведанные это принимать нельзя.

– Мы не можем воевать с Ицкагани, – подытожил я. – Но я знаю, как его победить.

За столом возникло оживление, даже Серый слегка ослабил маску непроницаемости.

– Как, володыка? – оцколи оказался самым нетерпеливым.

– Мы разорим его.

Я решил объявить врагу невиданную в этом мире войну – экономическую. Разумеется, даже здесь за столом меня не поняли.

– Ты предлагаешь устраивать набеги, жечь поля? – уточнил Черный Хвост.

– Ну, – я задумался. – Может быть, и набеги совершим, но только, если сможем это организовать так, чтобы на нас ни за что не подумали. Но это не главное. Мы заберем всю торговлю.

– Как же это мы ее заберем? – изумился Ннака.

– А вот смотрите, – я развернул на столе ткань с картой окрестных земель, которую очень схематично составил со слов бывалых людей. – Великая – река торговая. Мы каждый день видим купцов на реке, бывает, что целыми караванами. Но не все они к нам заворачивают, верно? Обычно, с севера, из Жарких Земель везут к морю маис, воск, перья, священный камень. А прибрежные племена, жители Закатулы везут на север хлопок, какашут, золото, раковины. Им всем мало что нужно у четлан. Разве что осенью за урожаем маиса заедут. А так, они плывут мимо, но иногда останавливаются на отдых. Я узнал, что вниз по течению наши горы можно пересечь дня за три, а вверх – за четыре-пять дней. Так что торговцам нет нужды делать частые остановки.

– Ну, а теперь вопрос: где чаще всего останавливаются купцы?

– В Черном Урочище? – интонацией отличника спросил Мясо.

– Разумеется! Самое богатое селение, высокий авторитет имачаты. Опять же, привычка. А у нас тут не так богато, да еще какие-то войны происходят. А торговля любит, когда всё тихо и стабильно. Вот в этом и кроется могущество Ицкагани! Торговцы останавливаются у него, заодно там и торгуют. У него есть нужные товары, есть богатство, с помощью которого он содержит воинов, привлекает к себе других вождей.

– И как же мы это у имачаты Черного Урочища отберем? – Ннака уже понял, что я знаю какой-то секрет, и ему не терпелось его у меня выведать.

– Мы сделаем Излучное более привлекательным местом. Представьте, что вы торговцы. Вы уже много лет ночуете на берегу владений Ицкагани. Но вот вы узнали, что недалеко, в нескольких часах пути, можно отдохнуть с комфортом! Для путников там оборудовали уютные биваки с запасами дров. А можно даже переночевать в мягкой постели под крышей. Вы там легко найдете свежие овощи, мясо и рыбу – сразу в одном месте, не нужно ходить и искать. А можно даже зайти в дом, где тебя накормят вкусной едой, сразу готовой! Напоят настойкой кактуса...

– Это что же за дом такой? – подивился Хвост.

– Это – таверна! – просмаковал я полузабытое слово из родного языка. – Вот скажите мне, господа торговцы, где вы предпочтете отдохнуть с дороги? Усталые, голодные.

– В таверне! – в голос ответили мои советники.

– Они начнут у нас торговать, а мы для них даже оборудуем специальные места – лотки.

– Что-то сильно мы много для торговцев делаем, – нахмурился вдруг расчетливый горец. – Так мы не разбогатеем, а, наоборот, разоримся.

– А за всё это торговцы будут платить, – довольный выдал я, словно накрыл стопку карт козырным тузом.

Я долго думал. Излучное выгодно именно активной торговлей. Но как с торговли зарабатывать? Невольно напрашиваются торговые пошлины. В конце концов, я же тут легитимный правитель. Но это в теории. Я живо представил, как узнав о пошлинах, последние немногие торговцы начнут проплывать мимо моего селения, кладя прибор на всю эту легитимность. Так я последние доходы растеряю, а Ицкагани станет еще богаче. И тогда я решил сделать ставку на сферу услуг. Сманить купцов комфортом, а потом заставить их раскошелиться. В мечтах мне грезилась большие рекламные баннеры, стоящие на самой излучине Великой. Я уже фантазировал, как вслед за гостиницей, таверной, мы запускаем казино...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.